

Илья Добренко

АНДРЮША, ДО ВСТРЕЧИ!

*«Надейся на Господа, мужайся,
и да укрепляется сердце твое,
и надейся на Господа»
(Пс. 26:14).*

ББК 86.376

Д 77

Добренко И.

Д 77 Андрюша, до встречи! — Киев: «Джерело життя»,
2014 — 128 с.

ББК 86.376

© 2014 издательство «Джерело життя»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
После суда	7
Беспомощность	29
Кошмар	52
Перемены	78
Приходите!	93
Признание	103

Проходит время – и то, что вчера было реальностью, сегодня кажется таким далеким и призрачным. Еще вчера вызывали в кабинеты, штрафовали за пение на богослужениях, отбирали религиозную литературу... А сегодня, кажется, открыты все двери издательств, печатающих красочные христианские книги, больниц и детских домов для проведения благотворительной работы, домов культуры, где верующие выступают на праздниках, надеясь, что когда-нибудь наша любимая Церковь-страдалица перестанет быть сектой, штундой, сборищем...

Только каким-то холодом веет от этой свободы. Все прежние чувства: любовь и жестокость, предательство и верность, героизм и низость – покрывала плотная пелена равнодушия. Все погрузились в тягучую, страшную дремоту... И только где-то далеко чуть слышно бьется материнское сердце. Бьется, от-

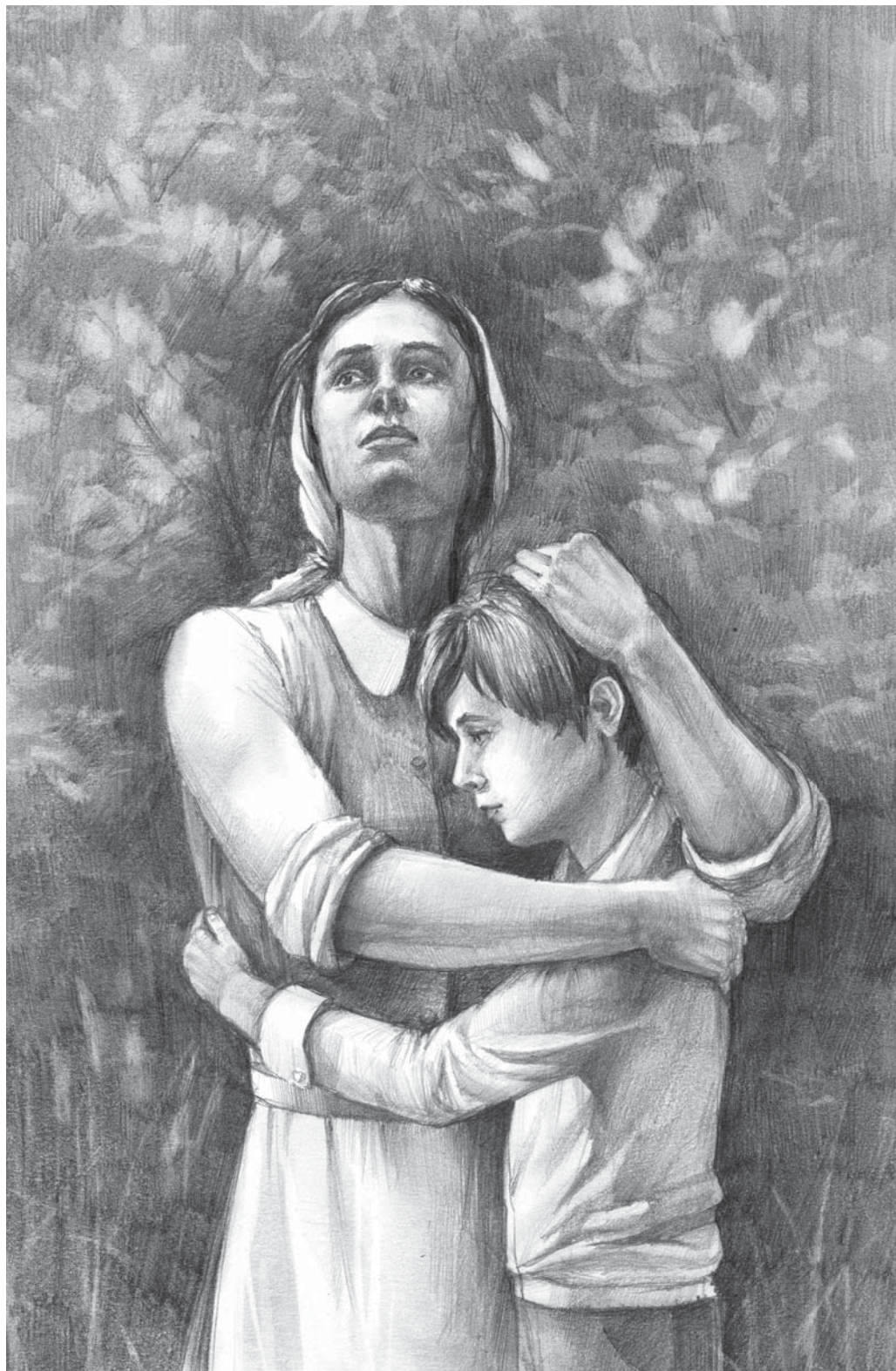
зываясь невыразимой грустью о сыне, отобранном много лет назад. Бьется, одаривая прощением тех, кто это сделал, и тех, кто молча смотрел на это. Бьется, озаряя все вокруг лучами веры. Послушайте, как бьется это сердце...

В этой повести сплелось в одну много реальных историй. Пусть строки архивных документов говорят сами за себя, а я просто не хочу, чтобы такое забыли, и мечтаю, что когда-то наступит долгожданное воссоединение тех семей, которых разъединила, разбросала злая сила в этом мире.

Посвящаю моим дедушкам и бабушкам, прошедшим через многие испытания, а также всем труженикам на ниве Божией в советский период.

***Памяти
ПИРОЖКОВОЙ
Ольги Викторовны***

Искренне ваш, Илья Добренко

ПОСЛЕ СУДА

Из Кодекса о браке и семье:
Статья 52 «...воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма».

Статья 59 «...родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они... оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением».

Статья 64 «...отобрание ребенка без лишения родителей родительских прав».

Май 1975 года.

В небольшой чистой комнате не слышно ни звука. Возле окна стоит молодая женщина, держа в руках стопку желтоватых листов бумаги. Она опрятно и просто одета. Мужа у нее нет – погиб на производстве. Родственники – далеко. Единственная драгоценность – сын Андрюша – живенький, смывленный мальчик, оканчивающий 3 класс. Зовут ее Мария. Или «богомольная»... Или «штунда»... По-разному

называют ее люди в их небольшом поселке. Руководитель партийной ячейки на заводе именует «наш позор». В магазине продавщица обращается не иначе как «враг народа». Но сейчас ей было не до этого. Мария внимательно читала решение районного народного суда...

«ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ...

...рассмотрели в открытом судебном заседании иск районного отдела народного образования к Иванченко Марии Васильевне о лишении родительских прав в отношении сына Андрея Владимировича, 13 ноября 1966 года рождения...

...ссылаясь на то, что ответчица, являясь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, не пускает Андрея в школу, изнуряет его физически постами и религиозными обрядами, оказывает на него вредное влияние, суд считает, что пребывание Андрея на воспитании у матери опасно...

...В соответствии со статьями Кодекса о браке и семье УССР, родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно-полезной деятельности, обязаны направить несовершеннолетних детей на обучение в школу в соответствии с законом о всеобщем обязательном обучении...

...Как установлено при рассмотрении дела, ответчица по субботам сына Андрея в школу не пускала, запрещала ему принимать участие в общественной жизни класса и школы. Ответчица привлекала Андрея к совершению различных религиозных обрядов, внушала ему антинаучные, извращенные представления о жизни и окружающей его среде.

...влияет на психику ребенка: мальчик молчалив, замкнут, запуган, отказывается говорить, часто задумывается, всегда взволнован. Мальчик упорно и бездумно повторяет внушенные ему религиозные догматы, у него обнаруживается раздвоенность взглядов на события и окружающую его среду. Мальчик раздражителен, подавлен...

...Из постановления комиссии по делам несовершеннолетних от 12 октября 1974 г. видно, что сын ответчицы часто пропускает занятия в школе и ответчица не намерена отправлять его в школу в субботные дни и в дальнейшем. Из акта от 8 февраля 1975 г., составленного председателем и депутатами Сельского совета, следует, что Иванченко Андрею дома не созданы надлежащие условия для занятий, готовит уроки он в кухне, стоя у высокой тумбочки. При рассмотрении дела также установлено, что ответчица лишает сына, в силу религиозных убеждений, продуктов животного происхождения, в результате чего мальчик истощен, кроме этого у него синдром повышенной раздражительности, он нуждается в стационарном лечении, что под-

тверждается справкой райпедиатра от 16 марта 1975 г. и его объяснениями на судебном заседании.

...оставлять Иванченко Андрея на воспитании у матери опасно для него, в интересах Андрея его следует отобрать у матери...

...решил отобрать у Иванченко Марии Васильевны сына Иванченко Андрея Владимировича, 13 ноября 1966 года рождения, без лишения родительских прав и передать на попечение органов опеки и попечительства.

Копия верна

Народный судья (подпись)

Секретарь (подпись)».

Несколько слезинок упало на желтоватые листы. «Что же делать? Что же делать?». Мария села, положив листы на потрескавшийся подоконник...

Перед глазами стояли последние минуты суда, состоявшегося на прошлой неделе. Когда решение было зачитано, она больше не могла ничего говорить – расплакалась. В голове пульсировала мысль: «Это за веру, это за Бога, Мария, терпеть нужно...», но сердце разрывалось от человеческой обиды. Вокруг стояли люди, и никто даже слова не сказал в ее защиту! «Как они могли написать, что Андрюша замкнут?» Любой мог бы подтвердить, что беззаботней и веселее ребенка в их поселке не сыскать. А пожилая соседка то и дело говорила: «Какой умный и живенький мальчонка у тебя, Маша. Все в поселке его любят!». Да, уроки он частенько де-

лал на кухне, но не из-за того, что не было места в комнате, а потому, что любил смотреть, как мама готовит что-то вкусное... Мария села, закрыла лицо руками и продолжала плакать: «Забирают Андрюшу, ребенка у меня отбирают... Что делать? Что делать?» Кто-то поставил перед ней стакан с водой, но ни один человек даже не прикоснулся, не обнял эту несчастную женщину.

Свидетелей со стороны Марии не было. Все боялись сказать хоть одно словечко в защиту. Оставалась последняя надежда на кассацию. Прямо в зале суда, немного успокоившись, она начала писать кассационную жалобу, хотя не слышала еще ни об одном случае, чтобы кто-то удовлетворил жалобу от «штунды». Но надежда на то и есть надежда, что она не умирает... Поэтому Мария пыталась как можно точнее описать всю несправедливость по отношению к ней. Знала, что 1,5 месяца ее трогать не будут, и Андрюша будет с ней, а дальше...

В дверь постучали. Сердце Марии испуганно сжалось. Глянув в окно, она никого не увидела. Подойдя к двери и услышав знакомый голос, открыла дверь.

– Ты, Света?

– Я, я, а кто же еще?

– Да мало ли...

Сестры во Христе обнялись, а потом сели возле стола.

– Ну как ты? Успокоилась уже? Никаких новостей нет?

Мария ничего не ответила, только слезы снова появились в ее глазах. Света села ближе и накрыла ее руку своей.

– Маша, мы все за тебя молимся. Жаль, что больше ничего сделать не можем. Но будем надеяться, что Бог поможет.

– Да и я, Светочка, надеюсь... Спасибо, кроме вас, у меня ведь никого нет.

– Бог над нами. Все видит и Андрюшу твоего не оставит.

– Света, я уеду скоро.

– Как уедешь? Куда?

Света удивленно посмотрела на сестру.

– Я тихонько Андрюшу отвезу километров за 200 отсюда, к подруге, а сама вернусь и буду ждать. Пусть лучше меня терзают, лишь бы его не тронули. Решение не в мою пользу примут, чувствую я... Но родительских прав меня пока не лишили. Подожду немного – может, как-то и забудется все это.

– Мария, ты представляешь, как с тебя спрашивать будут, как издеваться?

– А что, пусть лучше Андрюшу заберут? Не отдам! Ни за что не отдам, понимаешь?

– Ладно, ладно тебе. Понимаю я все... Бог в помощь тебе.

– Спасибо, Светочка. Как там здоровье твоих? Как мама?

– Слава Богу, все нормально. Завтра ты придешь к Левченкам вечером?

– Бог даст, приду. Кстати, может, чаю заварю, останешься?

– Нет, Мария, побегу я. Хочу еще в магазин зайти.

Через несколько минут в комнате снова было тихо. Мария думала о предстоящей поездке. «Андрюше тяжело будет без мамы у подруги, но все равно лучше, чем в интернате». А за себя она не боялась...

Вспомнила, как несколько лет назад у них Молитвенный дом забирали...

Пришли все на собрание – дверь опечатана. Постояли, помялись немного, а потом вспомнили, что в доме еще одна дверь маленькая есть – может, ее не опечатали? Подошли к двери – точно!

Вошли внутрь, помолились, несколько псалмов спели, как слышат – уже двери гремят входные и кто-то здание обходит. Дверь открылась, зашел участковый милиционер.

– Я спрашиваю: кто разрешал в здание входить?

Его лицо побагровело, а кулаки сжались. Все молчали.

– Я еще раз спрашиваю: кто разрешал в опечатанное здание входить?

Пресвитер церкви, пожилой Арсений Иванович поднялся и сказал:

– Товарищ милиционер, это наше здание, церковное, и община наша зарегистрирована по закону. Мы вошли через дверь и никаких печатей не срывали. Мы в мирных целях собрались, пообщаемся и разойдемся.

Дверь отворилась, и вошли еще трое в милицеской форме. Участковый не унимался. Он подошел к Арсению Ивановичу, по ходу опрокинув несколько стульев.

– Наверное, это твоя идея была, шпион проклятый, вот за нее ты и поплатишься. Собирайся, пойдешь с нами, а вы, остальные, вон отсюда! Это уже не ваше здание, а библиотечное. Вон отсюда, я сказал! И чтобы я вас здесь не видел, штунды богомольные! Поразводилось...

Мария, молча наблюдая за всем, знала, что у Арсения Ивановича уже было несколько хождений в милицию и это вряд ли хорошо закончится, тем более что в последнее время его сердце непрестанно болело.

– Это моя идея была, я всех уговорила войти.

Ее спокойный, но твердый голос обратил на себя внимание окружающих. Участковый медленно повернулся и посмотрел на Марию.

– Твоя? Кто ты такая? Как зовут?

Арсений Иванович делал ей знаки, чтобы она замолчала.

– Иванченко Мария. Это моя идея, и если вы его, – она указала на пресвитера, – не отпустите, то я за вами пойду и начальнику скажу, что это я виновата.

Бабушка Прасковья, стоявшая возле Марии, пыталась одернуть ее.

– Мария, – шептала она, – у тебя же ребенок! Что ты делаешь?

Мария стояла, не шевелясь. Участковый покачал головой.

– Вы, товарищ, понимаете, что говорите?

– Да, товарищ милиционер.

– Тогда вы пойдете с нами. Всем остальным я ясно сказал: «Разойтись!».

Мария в сопровождении трех мужчин в милицейской форме шла в отделение. Один держал ее за руку, выше локтя, чтобы не убежала. Участковый уехал раньше на мотоцикле. Люди вышли к заборам и молча смотрели на происходящее. Машу все хорошо знали и понимали, за что ее ведут в отделение милиции. Сначала женщине было немного стыдно, что все смотрят на нее, а потом ей даже стало как-то смешно. Она улыбнулась и сказала:

– Товарищи милиционеры, вы хоть перед людьми-то не позорьтесь. Не убегу я от вас, отпустите руку. Что ж вы молодую женщину втроем ведете? Бойтесь, что убегу?

Один, с угрюмым выражением лица, кивнул милиционеру – и ее руку отпустили. До здания милиции они дошли минут за пятнадцать.

Марию сразу повели в кабинет к начальнику. За закрытой дверью раздавался резкий голос. Мария

слышала обрывки фраз: «Как это забыли опечатать, я спрашиваю?», «Почему никто не дежурил?»... Кто-то тихо оправдывался. Через пять минут из кабинета вышел участковый с багровым лицом, и туда завели Марию. Начальник рассматривал какие-то бумаги на столе, а потом поднял глаза на женщину. Пронзительный взгляд его серых глаз, казалось, достигал самых внутренностей. Он пытался понять, что за человек перед ним.

- Имя.
- Мария.
- А фамилия есть у тебя?
- Иванченко.
- Судима?
- Нет, товарищ начальник.
- Видно, очень хочешь?
- Нет, товарищ начальник.

Он закурил и резким жестом указал на стул. Потом отправил всех за дверь. В кабинете на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Начальник еще раз внимательно посмотрел на Марию.

– Товарищ Иванченко, что вы прикажете с вами делать? Вы знаете, что бывает с теми, кто входит в опечатанное здание?

Мария попыталась улыбнуться и промолвила:

– Дверь, через которую мы вошли, не была опечатана, товарищ начальник.

– Вы мне здесь не умничайте! Те, кто не проследил за этим, уже понесли наказание, а вам еще пред-

стоит. Может, вы хотите сказать, что не видели, что входные двери опечатаны?

Мария молчала. Обманывать она не могла, хотя знала, что это могло бы смягчить наказание. Начальник, не отрываясь, смотрел на нее.

– Ну, что вы молчите, товарищ?

– Здание ведь церковное...

Он оборвал ее, стукнув по столу рукой.

– Никакое оно не церковное! Есть решение отдать его под библиотеку. Не церковное, слышите?! А вы вошли туда без спросу!

– Но ведь мы не знали...

– Вы, верующие, всегда чего-то не знаете и не слышите, только голову нам морочите вашими собраниями. Почему дома не сидеть и не верить в кого угодно? Чего собираться?

– Вера наша...

– Американская вера, а не наша! Шпионская вера, слышите, что я вам говорю?! Понапридумываете чего-то, а нам потом расхлебывать!

Начальник разошелся не на шутку, но через минуту успокоился.

– Откуда только берутся эти веры?.. Вместо того чтобы верить в идеи, народом выстраданные, строить общество наше, вы на все заграничное падки. Что вы по этому поводу думаете, товарищ?

Мария, набравшись смелости, сказала:

– Но ведь Маркс и Энгельс тоже заграничные...

Начальник, услышав эти слова, улыбнулся.

– Ты посмотри, какая образованная. Это вас так в церкви учат?

Немного помолчав и еще раз посмотрев на какие-то бумаги на столе, он спросил:

– Дети есть?

– Сыночек, 4 года.

– А о ребенке кто думать будет, если ты в тюрьму попадешь?

Сердце Марии сжалось. Еще идя по улице, она тихонько молилась, чтобы Бог не допустил беды, и сейчас мысленно продолжала делать это.

– Ладно, товарищ Иванченко, на этот раз вам прощается, но если вы попадетесь еще раз – будут большие неприятности, понятно?

– Понятно, товарищ начальник.

Домой Мария летела как на крыльях. Там ее уже ждал Арсений Иванович и другие братья и сестры, которые все это время молились, чтоб ее отпустили. Когда она зашла в дом, многие плакали от счастья. Схватив Андрюшу на руки, Мария и сама не могла сдержать слез.

На следующий день, проходя мимо церкви, она видела, как вывозят стулья и старенькое пианино и заносят стеллажи для книг. С того времени они начали собираться в доме семьи Левченко, которая выделила для служений большую комнату. Жале-ли только, что вместе с пианино забрали несколько бесценных хоровых сборников.

На лице Марии появилась счастливая улыбка, когда она вспомнила, как Бог спас ее. Женщина вернулась к домашним делам, нашептывая обетования Божьи и тихонько напевая: «...Единый Утешитель средь бедствий и скорбей...».

На следующий день, вечером, у Левченко все разговоры только и были о Марии и о судебном деле. Вздыхали, кто-то и всплакнул немного, советовались, что делать, потом решили молиться об этом и пост назначить на неделю. В шесть часов вся община была в сборе – в комнате едва хватило места, чтобы разместить всех братьев и сестер. Помолившись и негромко спев несколько псалмов, приготовились слушать Арсения Ивановича. Тот достал старенькую Библию, бережно открыл ее, посмотрел на всех присутствующих и начал говорить:

– Слава Господу Богу нашему, что мы еще живы, что, несмотря на все трудности и переживания, Он не оставляет нас. Последние две недели были нелегкие, но мы собрались, чтобы черпать утешение из Слова Божьего...

Мария слушала проповедь очень внимательно, ловя каждое слово, сказанное о Божьей любви и милости. Арсений Иванович понимал настроение всех присутствующих, поэтому читал тексты о надежде, о скором Приходе Иисуса Христа – то, что было особенно приятно слышать каждому адвентисту. На эту встречу пришло несколько незнакомых Марии

людей. Они тоже внимательно слушали, хотя часто посматривали на окна и вздрагивали от случайных звуков, доносящихся с улицы.

Когда проповедь закончилась, Арсений Иванович поднял руку и сказал:

– Пожалуйста, послушайте все. У меня очень важное объявление. К нам через субботу придет проповедник.

Комната наполнилась оживленным гомоном. Для их маленькой общины это было большое событие – настоящий праздник.

Все одобрительно зашумели.

– А кто? Откуда?

Оказалось, что это был друг Арсения Ивановича, о котором он, если бы хотел, мог рассказывать часами. Около получаса он рассказывал всем присутствующим, через что пришлось пройти этому проповеднику, сколько горя и страданий вынесла его семья. В маленькой комнатке было тихо. Иногда слышно было, как кто-то тяжело вздыхал, думая о переживаниях, которые испытывали пастыри и проповедники.

Мария шла по улице от Левченко и думала об услышанном. Рассказ Арсения Ивановича помог ей отвлечься от собственных проблем и поразмышлять о судьбе Церкви. Уже не в первый раз, когда на душе было тяжело, женщина вспоминала о жизненном пути многих верующих, пострадавших за истину. «А сколько проповедников не вернулось из тюрем? Без

братского общения, в грязных казармах или на промерзлой земле далекого Севера многие из них прощались с жизнью со словами надежды на устах... Вот недавно рассказывали о пасторе из Сталинабада, по-моему, его фамилия – Короленко... Брат приводил ко Христу много людей. А однажды 54 человека сразу крестил, в основном молодых юношей и девушек. Вот тогда-то его власти и заметили. Обвинили в таком... стыдно и подумать (Мария с ужасом вспомнила обстоятельства обвинения). Только через 8 лет после многих тюрем и трудностей он смог вернуться домой, измученный и больной. Вот это испытания жизненные, вот это верность!». Живое представляя себе эту картину, Мария чувствовала, как ее сердце начинало стучать сильнее. Она спрашивала себя: «Мария, а как же ты? Почему плачешь, почему волнуешься? Христос сказал: “Меня гнали, будут и вас гнать”. А ты еще не до крови сражалась! И жизнь никто не отбирает, и в тюрьму не сажает... Бог милует и благословляет. Подумай только!». Смотря вдаль, Мария снова и снова давала обещание Богу: «Если нужно, Господи, то за Тебя все терпеть буду, останусь верной до конца!».

Мария тогда еще не знала, насколько время испытаний приблизилось к ней.

Прошло несколько недель. До отъезда оставалось совсем немного времени, и поэтому Мария

начала складывать вещи сына. «Самое главное – увезти отсюда», – думала она и надеялась, что Бог благословит ее план. На кухне потрескивало радио. Отрывками до Марии доносились слова: «...широкое вовлечение рабочих и крестьян в советский государственный аппарат, в хозяйственное строительство, в партийную и профсоюзную работу... переход к мирному строительству, обеспечившему мощное развитие хозяйства и построение социалистической экономики...». Вдруг она услышала, как хлопнула входная дверь, а через несколько секунд, как маленький ураган, в комнату влетел Андрюша, чуть не споткнувшись о коврик, лежавший у порога.

– Привет, мамочка! Я уже вернулся! А что это ты складываешь? Мы что, уезжаем куда-то? К бабушке?

На его только что веселом личике появилось озадаченное выражение. Мария внимательно посмотрела на сынишку: волосы растрепались в разные стороны, глаза и щеки горели, школьная сумка – в пыли.

– Так, а ну быстро иди умойся, приведи себя в порядок, а потом задавай вопросы! – строго, но с улыбкой сказала она.

– Мамочка, ну скажи мне: куда мы едем?

– Андрюша, я что сказала? Ты как будто не из школы пришел, а с войны – весь грязный, взлохмаченный.

– Да это я с Санькой наперегонки бежал. А он мне препятствовал!

Мария рассмеялась:

– Где это ты таких слов набрался? В школе?

– Да нет, мамуля! Это же Арсений Иванович всегда говорит: «Не препятствуйте, не препятствуйте».

– Так, ладно, иди умывайся, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Через минуту Андрюша вернулся.

– Садись сюда и внимательно меня слушай.

– Хорошо, мамочка.

В последнее время Андрюша часто видел маму печальной. Не зная, что стало причиной этого, он пытался вести себя как можно лучше, хоть чем-то радуя маму.

– Андрюша, только давай сразу договоримся, что ты никому не скажешь, даже Саньке, то, что сейчас скажу тебе я. Это будет наш секрет, договорились?

– Договорились.

– Андрюша, как только закончатся занятия в школе, мы поедем с тобой в гости к моей хорошей подруге. Там ты еще ни разу не был. Но об этом никто не должен знать. Ты погостишь у нее немного, а мне нужно будет вернуться сюда.

– Но, мама, я не хочу там без тебя оставаться!

– Андрюшенька, нужно.

Мария еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Тебе нужно будет немного потерпеть, пока я здесь улажу все дела. А я буду писать письма и скоро приеду к тебе. Идет?

Андрей болтал ногами и смотрел куда-то в окно. Видно было, что он расстроился, узнав, что придется остаться у незнакомых людей без мамы.

– Ты меня слышишь, сынок?

– Мама, а можно я с тобой приеду? Буду помогать тебе. Во всем буду помогать!

Сердце Марии сжалось:

– Сыночек, давай мы не будем спорить. Сделаем так, как я сказала, а потом посмотрим. Договорились?

Низко опустив голову, Андрей кивнул в ответ.

Ужинала маленькая семья в тишине. Но вскоре настроение снова улучшилось, и, быстро справившись со своей порцией, Андрюша сказал:

– Мама, а ты представляешь, что мне учитель сегодня сказал?

– Ну и что же?

– Он сказал, что Бога придумали люди, чтобы пугать им непослушных детей. Это что, правда?

– Ну, как же правда, миленький? Нет, конечно! Бог всегда был, и никто Его не придумывал.

– А почему же учитель так говорит?

– Он просто в Бога не верит. А может, и верит, но боится в этом признаться.

– А я спросил учителя об ангелах... Ведь ангелы есть же? Они меня ночью охраняют.

– Правильно. И что он ответил?

– Он сказал, чтобы я не говорил глупостей, потому что ангелов тоже придумали. Но ведь это неправда? Да, мамуля?

– Неправда. Ангелы есть, и они тебя всегда будут охранять. Вот будешь ты у тети Лены – они и там всегда с тобой будут.

Мария задумалась: «Тяжело будет Андрюшке в жизни, если он верующим будет. Сколько в школах издеваются! Вот проповедник опыт рассказывал, как его сына в школе преподаватель географии обозвал врагом народа и скотиной, а на одиннадцатилетнюю дочку написали акт в райисполком и при всех детях сказали, что будут судить. И точно: эту девочку, дочку проповедника, вызывали в исполком районного совета депутатов трудящихся на суд административной комиссии. Ужас! А в соседнем районе учитель сказал мальчику-баптисту: “Я таких, как ты, расстрелял двоих, а тебя в спецшколу отправлю!”»...

– Мам, а, мам! Ты чего не улыбаешься?

– Да, сынок... Сейчас улыбнусь.

– Улыбайся, улыбайся! Потому что у нас есть ангелы, а у других нету.

– И у других есть...

– И даже у Петьки, который меня обижает, у него тоже ангел есть? И у Василия Порфирьевича? Ведь он в них совсем не верит?

– Андрюшенька, Бог всех людей любит. Всем солнышко и дождик дает. И ангелы всем помогают.

Мальчик устремил свой взгляд куда-то в окно. То, что сказала мама, с трудом укладывалось у него в голове.

– Андрюша, давай садись за уроки, а то уже поздно. Стих выучил?

– Выучил!

«Этот чистит валенки, моет сам галоши,

Он хотя и маленький, но вполне хороший».

– Так, а теперь весь стих рассказывай. А еще – математика...

На полу стоял внушительных размеров коричневый чемодан, до половины наполненный детскими вещами. Рядом с ним лежала пожелтевшая стопка газет. Мария как раз взяла очередную и вернула в нее Андрюшины ботинки. То и дело она поднимала голову и смотрела куда-то в окно, где на небесах проплывали белые облака, и все было так спокойно и хорошо. До отъезда оставалось всего несколько часов.

«Хорошо, что в школе начались каникулы – на первых порах никто не будет ничего спрашивать о сыне, а потом...» А что будет потом, Мария не знала. Андрюша бегал с ребятами на улице. Мария позвала его, чтобы привести в порядок перед дорогой. Когда он кушал, она смотрела на него невидящими глазами.

– Мам, ты чего на меня так смотришь? Мам, мам, ты слышишь?

От этих слов Мария вздрогнула и устало опустила голову.

– Слышу, слышу, сыночек.

– О чем ты думала?

– Да так, ни о чем.

– Мама, а ты купишь мне мороженое и лимонад по дороге?

– А тебе не много будет? Давай что-то одно.

Немного подумав, Андрюша ответил:

– Пусть будет одно: две бутылки лимонада или две порции мороженого. Идет?

Сказав это, он вскочил со стула и крепко обнял маму.

– Ладно, ладно тебе... Куплю тебе чего-нибудь, мой сладкоежка! А еще вот что я тебе скажу: когда будешь в гостях, пожалуйста, веди себя как воспитанный мальчик...

В голове Марии промелькнуло «воспитанный в духе коммунизма...», и она тут же добавила:

– ...как настоящий христианин. Договорились?

– Не переживай, мамочка, договорились.

Пытаясь избежать лишних расспросов, Мария отослала Андрюшу на станцию раньше. Чемодан помог отвезти один из членов их маленькой общины. Взяв небольшую сумку, документы и деньги, Мария остановилась возле порога и в слезной молитве просила Бога устроить их путь.

БЕСПОМОЩНОСТЬ

В поезде было совсем немного людей. В соседнем купе тихонько звучали гитара и чей-то приятный голос напевал:

Весть летит во все концы:
Вы поверьте нам, отцы, –
Будут новые победы,
Встанут новые бойцы!
С неба милостей не жди!
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути!
В мире – зной и снегопад...
Мир и беден, и богат...
С нами юность всей планеты –
Наш всемирный стройотряд!

Под мерный стук колес многие дремали. Вглядываясь в красочные пейзажи, пролетающие за окном, Мария чувствовала грусть и радость одновременно. Ей уже не доставало веселого Андрюши, но его безопасность была намного важнее временной разлуки.

На столике лежала газета «Труд», забытая кем-то из пассажиров. Она улыбнулась, вспомнив, как любит Андрюша цветными карандашами раскрашивать два черно-белых герба слева от названия. Отставив в сторону тяжелый стакан с остывшим чаем, Мария принялась просматривать заголовки... Праздничное приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров... Перед глазами пролетали строки: «...наша страна встречает нынешний Первомай в обстановке трудового и политического подъема масс... Честь и слава всем, кто вдохновенным трудом укрепляет могущество социалистической Родины, приближает светлое будущее – коммунизм!...». Мелькали заголовки: «На полях страны», «Родине – ударный труд», «Таллинские марципаны...». Последняя страница газеты была посвящена многим международным событиям. Там были репортаж из Португалии, статья о Вьетнаме и даже письмо из Чикаго.

Пролистав газету, Мария в очередной раз отметила слово, так часто повторяющееся в статьях, – Родина. Какое красивое, доброе слово! Ведь это и ее Родина, и все, что было написано в газете, непосредственно касалось ее сердца. Все эти достижения, ожидаемый 15 июля старт «Союза», выполнение планов не обходили ее стороной. На работе она старалась как могла, зная, что ее честный труд непременно принесет пользу стране. С другой стороны, любая газета пестрела заметками и статьями о неудачах США –

пожар в Нью-Йоркском метро, падение американского «Скайхома»... Но и там было много братьев и сестер. «Интересно, как они относятся к своей стране? Как они относятся к нам?»

Хотя Мария радовалась успехам своей страны, грустные мысли о том, что во всем этом никто не ищет Бога, а в космос летают, чтобы потом шутить над верующими, не давали ей покоя. Где-то в тайниках своей души Мария берегла память о другой Родине, более желанной, чем все блага светлого будущего. Она знала, что эта Родина никого не разделяет, эта Родина – для всех одна, и только она сможет принести единство и мир людям с разных краев земли.

«Как быть? Жить в мире со всеми здесь, но в то же время верить в Бога...» Утешали слова апостолов «...должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». А это значило многое... Именно поэтому, несмотря на угрозы штрафов и тюремного заключения, они собирались, изучали Библию, тайком в поездах перевозили Книги книг, подменяя обложки, на которых красовались названия шедевров коммунистической классики.

Снова смотря вдаль через пыльную пленку на стекле, Мария тихонько напевала такую знакомую и дорогую всем верующим песню:

Я на земле – прохожий,
Миру безмерно чужой,
Люди стремятся все в космос,
А я хочу домой.

Без кораблей, без могучих ракет,
В мир желанный, в мир сладостных грез,
Путь мой лежит мимо дальних планет,
Там — Спаситель, мой верный Христос.

Прошло несколько дней, прежде чем кто-то заметил отсутствие мальчика. Соседка Варя зашла к Марии попросить соли.

– Привет, Мария. Как поживаешь?

– Здравствуйте, тетя Варя. Нормально, не жалуюсь. Вот вижу, что дождь собирается.

– Э-э-э, какой там дождь! Жди не дождя и грома, а жди агронома!

– Все шутите, тетя Варя?

– А ты все Богу молишься?

Соседка улыбнулась. Она знала, что Мария верующая, но равнодушно относилась к этому. За Марией никогда ничего плохого не замечала, поэтому не верила во всякие наговоры. Но читать — ничего не читала, и слышать о Боге не хотела — боялась преследований.

– Молюсь, молюсь.

– Слушай, я за солью к тебе. А где Андрюшка твой запропастился? Не слышно его и не видно.

– Отправила погостить.

– Самого? Куда?

– А что? Он у меня уже взрослый, там за ним присмотрят.

– А куда?

– Недалеко здесь.

Видя, что Мария не расскажет ей всех подробностей, связанных с отъездом Андрюши, соседка решила обсудить другую животрепещущую тему.

Когда она ушла, Мария задумалась, стоит ли говорить братьям и сестрам, куда и на сколько она увезла Андрюшу. С одной стороны, Мария им доверяла безмерно и не боялась, что об этом узнают все. А с другой, не хотела подвергать никого опасности. Поэтому все-таки решила не говорить никому, даже Арсению Ивановичу. Вскоре придет кассация, и сразу станет ясно, чего ждать.

Вечером Мария осмотрела книги на полке и нашла ту, которую она любила перечитывать время от времени – об опасных приключениях миссионеров в далеких и неизведанных странах. Эту книгу подарила жена Арсения Ивановича, самостоятельно перепечатав ее на машинке. На кухне тихонько играло радио, потрескивала печь. Мария устроилась на диване, близко придвинув к себе громоздкую настольную лампу зеленого цвета, и накрылась пледом. Читать книжечку было непросто. Откинув красную потертую обложку, Мария принялась за чтение, подкладывая под страницы белую бумагу в попытке разобрать расплывчатые строки. Точки и буквы «о», выбитые печатной машинкой слишком сильно, образовывали странный узор на страницах книги. Но Мария не замечала этого. Время от времени она поднимала голову, вспоминая об Андрюше. Первое

письмо Мария написала сразу, как только приехала. Ответ должен был прийти через неделю. А сейчас слишком тихо было в ее комнате. «Как он там?» Материнское сердце сжалось. Мария закрыла книгу и опустилась на колени. В пламенной молитве она отдала свою печаль Тому, Кто всегда понимал ее.

Как и ожидалось, кассация не была удовлетворена. Ребенка могли забрать, но Мария искренне надеялась, что без лишения родительских прав, этого не посмеют сделать. Не прошло и недели после этого, как к ней пожаловал участковый. Александр Степанович, всегда усталый, всегда замученный, прошел в комнату и уселся за кухонный стол, хлопнув об него своей толстой коричневой папкой.

– Мария, ты же знаешь, чего я к тебе пожаловал...

– Догадываюсь, Александр Степанович.

– Ты – женщина хорошая, но богомольство твое до добра тебя не доведет. Ей-Богу, сколько раз я тебе говорил: не лезь ты на рожон! А ты – опять за свое! Эти сходки ваши, а теперь еще и суд... Сведете вы меня в могилу!

– Александр Степанович, да вы и сами Господа вспоминаете через слово.

– Мария! Прекрати меня своим Господом попрекать. Я тебе дело говорю – останешься без ребенка.

– Так за что меня судят? Что я его плохо воспитываю? Несправедливо это!

– Ну, ты же знаешь: какая несправедливость при справедливом строе может быть? Все у нас по закону...

– Что это за закон, чтобы детей забирать у матери.

– Так, я не хочу с тобой об этом разговаривать!

Кстати, а где сынишка твой?

– Гостит...

– Где гостит?

– Александр Степанович, вы бы разделись, душевно в комнате.

– А, точно...

Участковый положил замасленную фуражку на стол, расстегнул две из четырех пуговиц на форме и поправил черный галстук.

– Водички мне налей, Мария. Так где, говоришь, малой твой?

– Гостит у знакомых, Александр Степанович.

– Мария, вот что я тебе скажу, дело плохо кончится, вот увидишь. Может, пойдешь в комиссию, заявление напишешь?..

– Какое такое заявление? Вот водичка вам...

– Спасибо! Ну, какое... Что ребенка будешь воспитывать как положено, ну и веру... веру эту забудешь.

Мария замолчала. Участковый даже не смотрел в ее сторону. Ответ ему был известен – Мария такое заявление никогда не напишет.

– Ты же пойми, с меня спрашивать будут и заставят решение судебное исполнять. Что тогда будешь делать?

– Вы свою службу знаете – делайте как угодно.

– Да, ладно, ты только пойми меня, не сердись. Может, еще дело уладится, но все от тебя зависит. Помни: Богу молись, а добра-ума держись. Верно ведь люди сказали?

– Все по воле Божьей будет, Александр Степанович. Где Бог – там и добро.

– Да что ты заладила со своим Богом да Богом! Ладно, бывай, Мария. Следующий раз приду – чтоб мальчонка дома был, а то уже интересовались...

Участковый, вздохнув, встал со стула, стукнул ладонью по фуражке, схватил свою папку и вышел во двор.

Марию взволновал его приход. Еще долго после ухода участкового она сидела на кухне, чувствуя, как сердце тревожно стучит, словно какой-то набат, возвещающий приближение беды. Мария подумала о том, что все-таки правильно сделала, когда отвезла Андрюшу из этого поселка. За себя она не очень боялась... Собравшись с силами, Мария принялась за уборку, старалась занять себя какими-то делами. Пришло время разобрать вещи на веранде, до которой никогда не доходили руки. Там были старенький диван, ящики с банками, несколько мешков, какие-то покрывала. Долгое время там стояла бежевая детская коляска, своими очертаниями напоминавшая цыганскую кибитку. Ее давно следовало убрать на чердак: некоторые кнопки уже поотрывались, белая ручка местами треснула, а нескольких

тоненьких спиц и блестящих колпачков на колесах не хватало. Но коляска могла пригодиться кому-либо из знакомых, поэтому Мария не спешила ее прятать. Она аккуратно вытерла пыль с корзины, сняла ее с тележки и завернула в целлофан. Как только коляска очутилась на чердаке, можно было серьезно приняться за остальное. Так незаметно пролетело время, и вечером, усталая, Мария почувствовала себя немного лучше. Ей не терпелось попасть на служение в среду, чтобы попросить братьев и сестер усиленно молиться об этой ситуации. Другой надежды для себя она не видела.

Наконец наступила долгожданная среда. Мария встретилась с братьями и сестрами:

- Как ты там, Мария? Какие новости?
- Приходил участковый? Что требовал?
- А где Андрюша?

Мария пыталась ответить на все вопросы, стараясь не упоминать местонахождение Андрюши. Были переживания и у других братьев и сестер. Братьев Сергея и Василия грозились уволить с работы. Арсения Ивановича снова вызывали на административную комиссию.

– Представляете, что сосед мой говорит: «Раньше церковь да вино – а теперь клуб да кино»? Смеется, издевается, пальцы как роги наставит и спрашивает: «Веришь? В черта веришь?». А теперь, когда

узнал, что меня с работы уволить могут, так вообще перестал разговаривать, чтобы кто не заподозрил в сговоре и за компанию не уволил.

– Ну и пусть шутят! Потом, когда из клуба возвращаются, подвыпивши, начинают дома скандалить, детей бьют, мебель ломают – вот тогда кино настоящее и начинается.

– Это точно!

Несмотря на плохие новости, служение начинали с радостью. Пели «О, нет, никто нас не возможет». Так хотелось спеть громко! Но если бы кто-то в этот момент проходил мимо и прислушался, то он вряд ли бы услышал поющих – вполголоса, негромко, но уверенно и чинно исполнялся этот могучий псалом.

Арсений Иванович молился, а потом начали изучать Библию по вопросам. Исследовали книгу Откровение, 9-ю главу. Вопросов было много. Мария с удовольствием слушала о том, как Иосия Литч в 1838 году дискутировал с американским обществом неверующих о пророчествах Библии. Они потребовали, чтобы Литч показал пророчество, которое должно было исполниться, чтобы они сами могли удостовериться в правдивости Библии. Иосия Литч на основании книги Откровение назвал дату – 11 августа 1840 года, когда, согласно библейскому пророчеству, должна была окончиться власть Османской империи.

В этот знаменательный день весь цивилизованный мир следил за событиями, происходящими на

Востоке. Именно в этот день эмиссар доставил турецкому султану требования Лондонской конвенции. И в этот день султан ответил на них, тем самым признав потерю собственной независимости и власти. Это была победа Библии! В один тот день тысяча неверующих признала, что пророчества Библии исполняются точно.

Мария и раньше слышала это толкование, но как вдохновляющее, по-новому звучало оно сегодня.

– Братья и сестры, мы убеждены в том, что весь ход истории в Божьих руках. Он является нашим Рулевым, поэтому нам не следует бояться бурь этой жизни. Все это – временно, преходяще, а за горизонтом видны очертания небесного Ханаана.

После того как несколько человек помолилось по завершению беседы, зазвучала мелодия еще одного славного гимна «Стройно шествуем мы в вышний Ханаан»:

Стройно шествуем мы в вышний Ханаан,
В светлый край, где виден чистый Иордан,
Где струится мир живительной рекой,
Где найдем душе покой.

После окончания Арсений Иванович отозвал Марию в сторонку.

– Сестричка, меня на комиссию вызывали...

– Знаю, знаю, Арсений Иванович. За что ругали?

– Больше предупреждали. А один суеслов раскричался, что мы в жертву детей приносим. Говорит, уже факты есть.

– Знаем мы эти факты! Ведь это ложь!

– Я знаю, но чувствую, что за этим что-то большее кроется, боюсь, чтобы оно тебя не коснулось. Кричал: «Советская власть этого вам не спустит».

– И обо мне говорил что-то?

– Вскользь упомянул, что одного ребенка уже не хватает. Будут искать, но есть подозрение, что «штунды» принесли в жертву. А Андрюши ведь твоего нет, вот я и думаю, что о тебе речь шла. Участковый приходил?

– Приходил.

– Об Андрюше спрашивал?

– Да, я сейчас-то вспоминаю, что он как-то странно сказал: «...уже интересовались».

– Вот то-то же. Будем молиться за тебя, но что-то сердце мое тревожится, как бы они из твоей ситуации показательный случай никакой не сделали – как власти с общественно опасными людьми расправляются.

– Я тоже тревожусь, может, умысел какой, но все – в руках Божиих.

– Будем молиться за тебя.

– Спасибо, Арсений Иванович.

Идя домой, Мария думала о последних новостях. «Чего это о жертвоприношениях начали говорить? Что за глупости? Кто это придумал?» Давно она ничего такого не слышала. Казалось, что поухло все. «Веришь в Бога – верь себе», а тут опять начинается.

На следующее утро Мария заметила, что на работе некоторые странно поглядывают в ее сторону. Это было неприятно, но подойти и прямо спросить, в чем дело, она не могла.

Верочка, простая женщина и хороший работник, сегодня приболела, поэтому узнать что-то «окольными путями» было невозможно. В тревожном напряжении прошел весь рабочий день. Даже на проходной обычно приветливый охранник не обернулся в ее сторону. Мария, понутив голову, вышла из ворот, над которыми висела красная вывеска, где белым было написано: «Завод красен не планом, а выполнением». «Почему же все к ней так настороженно относились? В чем же дело?»

Все прояснилось к вечеру, когда Мария повстречала на улице свою знакомую. Та призналась ей, что на заседании партячейки было сказано, что, возможно, в их местности пропал ребенок и это связывают с «богомольными».

– Понятно, откуда этот «шлейф» тянется. Наверное, и меня вспоминали?

– Ну... так прямо нет. Просто, знаешь, твое судебное дело и так на слуху, а Андрюши твоего давно не видно...

– Теперь ясно...

Мария была расстроена и потрясена этими новостями. Она не ожидала, что кто-то может поверить, что она, любящая мать, может что-то сделать со своим ребенком. Это же было просто невообразимо!

– Слушай, Мария, ты не расстраивайся. Я же знаю, что ты своего Андрюшу бережешь как зеницу ока. На людей внимания не обращай.

– Да как же не обращаться, если на тебя волком все смотрят?

– Все обязательно образуется.

– Дай Бог!

Подавленная Мария пошла домой. Тяжелый груз этого дня почти до земли придавил бедную женщину. Хуже всего было то, что дома ее ждала тишина – ни слова, ни полслова не было слышно в ее скромном жилище.

Но, придя домой, Мария обнаружила приятный сюрприз – письмо от подруги. Самое ценное было спрятано между несколькими страницами, бегло исписанными женской рукой. На небольшом листочке в клеточку Андрюша обвел свою руку, написав рядом: «Мама, у меня все хорошо, не волнуйся. Я тебя люблю!».

Нельзя описать, какой радостью наполнилось сердце матери! Она нашла самую большую книгу и спрятала письмо посреди ее страниц, но в течение вечера еще несколько раз снимала тяжелый том с полки и внимательно пересматривала послание сынишки. Чуть позже Мария присела у стола, взяла в руки свою Библию. Проведя пальцами по срезу, окрашенному в красный цвет, она принялась листать драгоценные страницы. Рядом с Библией Мария всегда держала три ручки – синего, красного и зеле-

ного цвета и небольшую линейку, на случай, если ей захочется что-то особенно отметить. Открыв книгу Псалтирь, Мария увидела ранее отмеченные строки: «Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое» (Пс. 17:3).

Все это время Бог оставался ее верным Спасителем и Другом. Она знала, что если Он и допускает испытания, то все это служит воспитанию настоящего христианского характера. Что ей еще надлежало исправить? Вдруг мысли Марии направились в другое русло, и она почувствовала, как ее сердце снова сжимается от волнения: «Почему Бог не отводит это судебное разбирательство от ее маленькой семьи? Ведь Он видит, что никто не может позаботиться о ней и об Андрюше. Нет никого, кто мог бы их защитить от жестокой системы безбожного воспитания... Да, у меня есть братья и сестры, но они тоже ничего не могут сделать. Неужели этот кошмар никогда не закончится?»...

– Опять сомнения, гони от себя эти мысли! – говорила она себе. – Будь верной, Господь укажет путь.

Несколько последующих дней на работе были просто ужасными. Повсюду Мария ловила на себе подозрительные взгляды. А в пятницу, проходя мимо одного цеха, она случайно услышала такой разговор:

- Слушай, что я тебе сейчас расскажу...
- Да знаю я твои рассказы, выдумки одни!
- Какие выдумки? Об этом уже весь завод знает.

У нас одна «богомольная» куда-то ребенка своего задела. Наш политрук сказал, что они детей приносят в жертву. Представляешь?

– И ты что, поверила?

– А как тут не поверишь, когда на твоих глазах был-был ребенок – и исчез...

– Ну, а она, богомольная, что говорит?

– А кто ее спрашивает?

Дальнейшие слова потонули в грохоте включившегося станка. Но этого было достаточно, чтобы понять: слухи распространились повсюду. Но за все это время ни один человек не подошел к Марии, чтобы спросить, что происходит. Особенно обидно было то, что у многих дети на летние каникулы уехали в лагеря, к бабушкам, дедушкам, а подозрения коснулись только ее.

В понедельник вечером к Марии снова пожаловал Александр Степанович. Она знала, что это рано или поздно произойдет, поэтому уже была готова к его приходу. Настроение у него было скверное. Прямо на пороге он выпалил:

- Так, Мария, где сын твой, Андрюша?
- Здравствуйте, Александр Степанович. Пройдете?
- Я проходить не буду. Некогда мне! Столько дел серьезных, а мне нужно всякую ерунду разбирать.

– А в чем я провинилась?
– Ты куда своего сына дела?
– Товарищ милиционер, а почему я не могу своего сына куда-то отвезти, чтобы не трезвонить об этом на весь мир?

– Мария, ты не понимаешь. Если бы суда не было – никому твои дела не были бы интересны. Но тут ведь решение есть – и не в твою пользу.

– Ну, такие решения и раньше были, но люди ведь понимающие... Как ребенка у матери забирать? Александр Степанович, у вас ведь тоже дети есть. Вы бы кому-то их отдали?

– Так здесь речь не обо мне, а о тебе идет. Если бы ты, товарищ, воспитывала его в духе коммунизма, то и вопросов не было бы. А вы их молиться заставляете, в свои забобоны верить, в церкви их держите, а тут еще...

Участковый затих. В воздухе повисло неловкое молчание. Мария вопросительно посмотрела на участкового, потом тяжело вздохнула.

– О жертвоприношениях говорят, да?

– Да, говорят, – отрезал милиционер, – и вы сами в этом виноваты.

– А хоть где-то доказали, что верующие своих детей в жертву приносят? Хоть раз? Зачем же на слухи полагаться?

В комнате опять повисло молчание.

– Мария, ты скажешь, где твой ребенок находится?

– Нет, не скажу. Делайте со мною что хотите, а ребенка в детском доме я воспитывать не позволю.

– Так мы ведь все равно найдем. Вот увидишь!

– Ищите...

Тут участковый не выдержал. Он хлопнул папкой и начал кричать на Марию:

– Дура ты! И вера твоя глупая! Ищешь себе проблем на свою голову! Дура, и все! Говори, где ребенок, немедленно, потому что завтра в тюрьме окажешься! И я не шучу! Ты слышишь? Я тебе такую жизнь устрою, что не только веру – свою мать забудешь.

Мария от такого потока оскорблений потеряла дар речи. У нее задрожали руки, но она не позволила себе заплакать. Когда участковый успокоился, женщина сказала:

– Александр Степанович, зачем вы со мной так? Вы же меня не первый год знаете. И осведомлены, что мы ничего плохого никому не делаем, а вы на меня кричите... А ребенка никому отдавать не хочется. Он в безопасности, а это для меня главное.

– Ладно, извини, Мария. Просто устал я сегодня от дел этих всех. А у меня-то требуют! И на меня также кричат. Тут не о суде речь идет, а о жертвоприношении, требуют разобраться. Вот мне и поручили убедиться, что ребенок на месте. Как мне это сделать?

– Если я его привезу, заберут ведь.

– Глупости все это. Не заберут. Пока там что решится – назад отвезешь. Ты же знаешь, что такие ре-

шения суда не спешат выполнять – волнения могут быть. А если хотя бы на денек его привезешь – сразу все слухи о жертвоприношении исчезнут. Мария, ты пойми, от меня ведь не отстанут! Хочешь, я тебе расписку напишу, что ребенка трогать не буду. Приду, удостоверюсь, что он на месте. Возьму свидетелей – и потом поезжай хоть на четыре стороны.

– Я и не знаю...

Мария задумалась. Ей было жалко и Александра Степановича, так как она понимала, что над ним тоже начальство есть. И слухи развеять ей хотелось, чтобы делу Божьему вреда не нанести. Даже расписку обещают написать...

– А вдруг не вы, а кто-то другой придет?

– Мария, без меня ничего делать не будут. Я клясться готов – ты только ребенка привези.

– Клясться не нужно. Напишите расписку, Александр Степанович?

– Напишу, почему же нет?

– Давайте расписку, что ребенка не заберете.

Расположившись за столом, он достал из папки чистый лист бумаги и начал неспешно писать:

«РАСПИСКА

Дана мною...

(Александр Степанович остановился, о чем-то подумал, потом написал свою фамилию, имя и отчество)

...в том, что отдел милиции, проверяя сведения о пропаже детей на территории района, не будет изы-

мать ребенка Иванченко Андрея от матери Иванченко Марии Васильевны. Расписка дана...».

Поставив дату и подпись, участковый вручил листок Марии. Она внимательно прочла и отложила его в сторону.

– Я привезу ребенка. Пусть все удостоверятся, что никто его в жертву не принес, но вы свое слово тоже сдержите.

– Мария, ты пойми: ребенка никто трогать не будет. Тем более что здесь, на улице, все люди тебя знают, возмущаться будут.

– Ладно, пусть будет по-вашему.

– Вот и хорошо! Мария, но ты меня не подведи, потом уже ничем помочь не смогу. К тебе применяют самые строгие меры.

– Бог поможет.

Не сказав больше ни слова, участковый ушел.

Пережив этот неприятный разговор, Мария наконец могла дать волю своим чувствам. Упав на диван, она закрыла лицо ладонями. Слезы градом покатались из ее глаз, а грудь сотрясали беззвучные рыдания. На столе лежала злополучная расписка, но сердце подсказывало ей, что верить Александру Степановичу не стоило. Но как хотелось Марии снять нарекание со всей общины, с братьев и сестер! Она знала, что если слухи распространятся дальше – всем им будет нелегко. Именно поэтому Мария решилась на этот рискованный шаг.

Но в ее сердце продолжалась настоящая битва между желанием защитить ребенка и стремлением

прекратить всякие слухи о жертвоприношениях. Она боролась с сомнениями: «А вдруг заберут? Может, собрать вещи и убежать отсюда? Но ведь тогда подадут в розыск и рано или поздно все равно отыщут... А если здесь останусь? Может, ничего не случится?.. Участковый ведь обещал. Только он и свидетели... Или уехать? Навсегда... К родственникам в другую республику... Но и там ведь искать будут.... А что будет с нашими? Их же здесь заключают! А вдруг из-за меня Арсения Ивановича под арест... Если я уеду, допрашивать всех будут... Нет! Нужно привезти!».

Мария решила привезти Андрюшу в пятницу. «А в субботу вечером увезу обратно. Александру Степановичу попрошу сообщить в пятницу утром, чтобы он после обеда к нам наведалься...» – рассуждала она.

Ночью Мария спала плохо. Просыпаясь от разных шорохов и звуков, женщина никак не могла найти покоя. Снились разные кошмары. Кто-то во сне крепко держал за рукав Андрюшу, стоящего на каком-то деревянном помосте в своей серенькой курточке с синими и белыми полосками. Он жалобно кричал: «Мама, мама!». Мария пыталась освободить его, но ей не удавалось взобраться на этот помост. Он был каким-то скользким и гадким. Когда наконец у нее получилось, она изо всех сил попыталась оттолкнуть руку, державшую мальчика, но хватка была железной. Рука словно была не че-

ловеческой. Когда Мария ухватила за нее, ей показалось, что она держится за холодную-холодную сталь. Подобно механическим рукам, применявшимся на заводе, она крепко обхватила запястье мальчика и, несмотря на все старания Марии, даже не пошевелинулась. Потом из темноты протянулась вторая рука и схватила Андрюшу за шиворот. Неумолимо, медленно эти руки начали тянуть ребенка куда-то в темноту.... С криком ужаса Мария проснулась. Слава Богу, это был только сон. Но Марии казалось, что эти руки где-то рядом. И с ними ей не справиться...

Включив лампу, Мария глянула на круглый зеленый будильник с матовыми шляпками звонка, стоявший у изголовья: «Четыре часа... Как же уснуть?». Она уже и не надеялась на это. Вдруг что-то подсказало ей, что именно сейчас следует молиться. Склонившись у кровати, Мария просила прощения у Бога за свое малодушие и просила Его руководства в ее жизни. Она молилась о мужестве и верности Богу во всех обстоятельствах жизни. Вспоминая библейские обетования, Мария попыталась уснуть опять. Все ужасы исчезли, и последние несколько часов сна были для нее благословением.

Последующие дни на работе оказались сущим кошмаром. Мария ловила каждый взгляд и понимала, что она стала притчей во языцех для всего коллектива. Поэтому она с нетерпением ждала поездки к сыну. Будучи хорошим работником, жен-

БЕСПОМОЩНОСТЬ

щина упорядочила свои дела таким образом, чтобы Верочка могла без проблем подменить ее в пятницу. В тот день рано утром Мария уехала за Андрюшей.

КОШМАР

Какой радостной была встреча с сыном! Мария крепко обняла Андрюшу и долго не отпускала его из своих объятий. К счастью, он познакомился с соседскими ребятами и в совместных играх летние дни пролетали незаметно. Андрюша попрощался с Витей и Володи́ей, пообещав приехать очень и очень скоро. Быстро собрав вещи, маленькая семья отправилась на вокзал.

Направляясь к своему дому, Мария с улыбкой здоровалась с соседями, иногда замечая удивленные взгляды. По пути они зашли к Свете, чтобы удостовериться, что она сообщила Александру Степановичу о приезде Андрюши.

— Мария, здравствуй! Андрюша, миленький, привет! Как здорово, что ты приехал!

— Здравсте, тетя Света.

– Светочка, я ненадолго, а то еще к субботе нужно готовиться. Я хочу спросить, ты сообщила участковому?

– Конечно! Он сказал, что обязательно к вам заглянет после обеда, так что поспешите домой.

– Я мечтаю, чтобы это все поскорее закончилось. Хочу снова отвезти Андрюшу в безопасное место.

– Все будет нормально. Кстати, это тебе...

Света подошла к Марии и вложила ей в руку конверт.

– Что это?

– Это... от нас, от братьев и сестер, у тебя сейчас не самые лучшие времена, тем более приходится много ездить...

– Света, ну зачем вы?.. У меня все есть. Зачем вы переживаете?

Мария попыталась было вернуть деньги обратно, но Света была непреклонна.

– Это специально для тебя, так что не отказывайся.

На глаза Марии навернулись слезы. Помощь действительно была не лишней. Женщины обнялись, и Мария с сыном отправились к своему дому.

– Ой, мамуся, я так рад, что мы домой приехали.

Скинув босоножки, Андрюша помчался к своей кровати и с размаху упал на нее. Потом осмотрел аккуратно сложенные игрушки.

– Андрюша, на столе тебе небольшой подарок. Это книжка и еще кое-что.

Сын мигом очутился около стола. Не уделив книге много внимания, он начал разворачивать небольшой сверток, в котором обнаружил компас. Завопив от радости, Андрюша кинулся обнимать маму.

– Спасибо, спасибо большое! Ура! У меня есть настоящий компас! С Витей и Володей пойдем по компасу на речку.

– Андрюша, а ты умеешь им пользоваться? Стороны света все знаешь?

– Знаю, знаю. Теперь я точно никогда не потеряюсь! Ура! Ура!

Он принялся ходить по комнате взад и вперед, придумывая себе разные направления.

– Теперь на север. А теперь посередине между югом и востоком.

– На юго-восток. Так, ты потом еще поиграешь, а теперь переоденься – будешь мне помогать по хозяйству. Ты ведь вечером пойдешь со мной на собрание?

– Пойду.

– Ну, вот и хорошо.

Когда стрелка часов приблизилась к цифре два, Мария начала с беспокойством поглядывать в окно. «Когда же придет участковый?». Ведь было так важно, чтобы он лично убедился, что Андрюша здесь, живой и невредимый. Сын разрисовывал что-то в своей комнате. Мария специально привела его в

порядок пораньше, чтобы быть готовой к приходу участкового.

Чуть дальше по улице стояла какая-то машина, на которую сразу Мария не обратила внимания. Но позже она заметила, что в ней сидят двое, как будто ожидая кого-то.

И действительно, через полчаса к дому подъехал милицейский УАЗик. Из автомобиля бодро выпрыгнул какой-то молоденький милиционер, потом появился Александр Степанович, а за ним еще кто-то.

Мария с содроганием смотрела, как несколько человек неспешно направляются к ее дому. «А где же свидетели?» – думала она. Человек, шедший последним, тоже был в форме. У самых ворот к ним присоединились еще двое в штатском, с папками в руках. Это были те, из «Волги». Когда Мария открыла дверь, на ее пороге собралась целая комиссия.

– Здравствуйте! Разрешите пройти.

– Пожалуйста.

Мария сделала шаг в сторону, пропуская всех в дом. Последним заходил Александр Степанович. Мария надеялась поймать его взгляд, чтобы убедиться, что все в порядке, но он даже не смотрел в ее сторону.

Тут из комнаты выбежал Андрюша, но, увидев такое количество людей в форме, с мрачноватыми лицами, испугался и даже не смог сказать привычное «Здравствуйте!».

– Мальчик на месте, – сказал кто-то.

Мария подошла к сыну и тихонько сказала ему:

– Андрюша, не бойся. Поздоровайся со всеми!

Он робко произнес:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, мальчик.

Высокий, худощавый мужчина, с цепким взглядом, в движениях которого чувствовалась военная выправка, попросил Марию:

– Мы могли бы где-то расположиться за столом?

А вы пока скажите мальчику, чтобы он поиграл на улице.

– Хорошо.

Мария поняла, кто здесь был главным. Она провела всех на кухню. Александр Степанович не проронил ни слова. Он был сам на себя не похож, как будто замер возле печи и долго оставался там стоять, смотря куда-то в окно. Мужчина и женщина в штатском сели за стол, достали из папок какие-то документы и начали что-то писать.

Когда Андрюша оделся и вышел на улицу, Мария не удержалась, чтобы спросить, что все-таки происходит.

– Вы пришли убедиться, что мальчик вместе со мной, живой и здоровый?

Слова высокого мужчины пронзили ее сердце, в висках застучало, ей показалось, что она сейчас теряет сознание.

– Нет, мы оформляем документы, чтобы выполнить законное решение суда.

Она смогла только вымолвить «Как?», а в голове уже четко вырисовалась картина происходящего: никто ничего не проверяет, они пришли, чтобы забрать Андрюшу. Из ее глаз брызнули слезы, она подбежала к Александру Степановичу и сдавленно прокричала:

– Вы же обещали! Вы же расписку написали? Что же это такое?

В отчаянии она бросалась то к одному милиционеру, то к другому.

– Так, успокойтесь, мамаша. Успокойтесь, я говорю! – с железными нотками в голосе сказал главный.

Молоденький милиционер попытался было удержать ее, но Мария, вне себя от горя, вдруг выбежала на улицу и кинулась к забору соседей.

– Помогите, – закричала она, – люди добрые! Помогите! Ребенка отбирают...

Андрюша, который играл совсем недалеко, прибежал на крик матери. Он в оцепенении смотрел, как из дома выбежали молодой милиционер и Александр Степанович и, взяв маму под руки, пытаются завести ее назад в дом. Мария упиралась, продолжая звать о помощи. Опомившись, Андрюша подбежал к молодому милиционеру и начал тянуть его за рукав, со слезами на глазах прося отпустить маму.

– Отпустите, дяденька, пожалуйста.

На этот шум и крик выбежал сосед – дед Иван. Он закричал с порога:

– Товарищи, что здесь происходит? Сейчас милицию вызову...

И тут же осекся, осознав, кто держит за руки Марию. Поймав на себе холодный взгляд выходящего из дверей высокого мужчины, он исчез в доме. Милиционер сильно сжал запястье Марии и, смотря в ее наполненные слезами глаза, сказал:

– Так, товарищ, прекратите истерику, успокойтесь немедленно.

Мария непослушными ногами зашла в комнату. Плачущего Андрюшу завели в соседнюю комнату. Посадив ее за кухонный стол, наполовину ослепшую, наполовину оглохшую от ужаса и боли, начальник начал свой монолог:

– Мария Васильевна, успокойтесь. Вы как будто первый раз слышите о решении суда. Суд решил – и не в вашу пользу. А Александра Степановича не обвиняйте – он вам ничего не должен, и это не он решает. Я не знаю, что он вам обещал, но мы прочитаем вам решение, и ребенку придется поехать с нами... Что, ей дурно?

Он обратился к женщине в штатском.

– Так, помогите ей!

Начальник увидел, что Мария на самом деле уже не слышит его. Женщина пошла в соседнюю комнату.

– Мальчик, а у вас аптечка есть?

Андрюша, всхлипывая, показал на беленький ящичек с зеркальцем, висевший возле книжной полки. Порывшись там, женщина нашла нужный

пузырек и вернулась на кухню. Вскоре Мария пришла в себя.

– Так, возьмите себя в руки, товарищ.

Молодой милиционер выглянул в окно.

– Там люди какие-то собираются...

И действительно, за окном послышался шум. За калиткой уже было человек пять, и они о чем-то громко разговаривали. Через пару минут пришло еще двое, а потом еще четыре человека.

– Почему это они собрались?

– Это все соседа работа... Ничего, с этим покончим, я к нему лично зайду и поговорю. Главный кивнул участковому.

– Выйди, поговори с людьми.

С большой неохотой Александр Степанович поплелся к выходу.

Когда он вышел на крыльцо, несколько женщин уже были во дворе. Евдокия, бойкая женщина средних лет, первая начала наступление:

– Так, Александр Степанович, что там происходит? Что это у Марии за гости? Машины стоят, крики, ребенок плачет.

Все зашумели. Александр Степанович попытался дать отпор:

– Товарищи, какие крики, какие машины? Выполняется законное решение суда. А вы чего собрались в таком количестве? Хотите неприятностей?

Его тон стал строже, а голос тверже.

– Это какое такое решение суда? – сказал кто-то. – Никак ребенка приехали отбирать?

– Какое ваше дело? Вы за это сборище будете иметь неприятности! Это незаконно. Разойдитесь по домам! Немедленно!

Тут заговорила Евдокия, и в ее голосе участковый услышал настоящую злобу:

– Как бы у вас, Степанович, неприятностей не было. Что вам Мария сделала? За что ей это аморальное дело шьют? То говорили, что она ребенка в жертву со своими «богомольными» принесла, а он на месте – живой и здоровый? Врали ведь!

– Я говорил, я врал, товарищи? Я не знаю, кто говорил. Анархию тут устроили...

– Змея подколодная! Ты же к ней сам приезжал! Убеждал ребенка привезти! – раздался чей-то крик.

– Кто это сказал?! Ничего, я потом с вами еще поговорю...

Участковому от волнения пот заливал глаза. Он уже понял, что дело серьезное.

– А ну давай сюда главного! Пусть Марию отпустят.

К собравшимся подходили и подходили люди. Раздавались возгласы возмущения. Кто-то крикнул:

– Так немцы в войну детей забирали. Стыдно!

Тут раздался еще один голос:

– Пусть себе молится, если хочет, а сына она хорошо воспитывает. А ну, где она? Отпустите!

Человек пять приблизились к крыльцу, пытаясь заглянуть в открытые двери.

Александр Степанович попытался было закрыть двери, как тут они с силой распахнулись. На пороге появился высокий мужчина. Одним взглядом оценив ситуацию, он гаркнул:

– Что за сборище? Кто посмел собираться? А ну-ка, по домам, живо!

Толпа притихла, но расходиться никто и не думал. В воздухе просто чувствовалось напряжение.

– Сейчас в список всех включу! Возмутительно!

Кто-то смелый продолжил:

– Зачем Марию Васильевну трогаете? Она ничего не сделала. Отпустите ее и ребенка.

– Мы выполняем решение суда. А вы, товарищи, проявляете политическую близорукость. Товарищ не воспитывает своего сына в духе коммунизма, позорит нас своими аморальными поступками. Заставляет сына в церковь ходить и Богу молиться!

– Никого она не заставляет!

Опять зашумели.

Мужчина не выдержал. Спрыгнув к людям, он пытался найти того, кто сказал последнюю фразу.

– Сейчас я вам закрою рот! Ты посмотри, собрались защитники! А ну, по домам!

Люди не уходили и продолжали шуметь. К дому постоянно подходил кто-то еще. Озлобленно расталкивая людей, главный забежал в дом. Александр Степанович встал в стороне, вытирая платком побаг-

ровевшее лицо. Вскоре из дома вышел милиционер, вскочил в машину и куда-то уехал. Участковый думал было ехать с ним, но его тут же позвали в дом.

Мария устало слушала знакомые строки судебного решения, вытирая слезы платочком. Женщина что-то объясняла ей, говорила об условиях содержания ребенка, о времени посещения родителями, но это все проносилось мимо ушей страдающей матери. Андрюша, успокоившись, сидел на кровати в комнате, теребя свою привычную игрушку. Главный был раздражен и зол.

– Это все вы виноваты. Социализм строим, весь мир смотрит! А вы... запятнали наше знамя! Какой пример для молодежи? Либерализм развели... Посмотрите, и соседей подговорили прийти.

– Я не подговаривала.

– Подговаривали! Я уверен. А то чего бы они такой толпой собрались? Ничего, сейчас приедет начальник милиции – всех быстро по домам отправят. Документы уже готовы?

Люди в штатском кивнули.

– Ладно, придется начальника милиции ждать. А вы мальчика соберите!

Женщина в штатском покачала головой.

– Она не сможет. Ей плохо. Я боюсь, чтобы она вообще сознание не потеряла.

– Так вы ей помогите!

Женщина пошла в комнату. Она села возле Андрюши.

– Мальчик, тебе нужно будет поехать с нами ненадолго. Хорошо?

В ответ она только успела услышать:

– Нет, я хочу остаться с мамой.

И Андрюша снова разрыдался. Услышав плач ребенка, заплакала и Мария. Участковый не выдержал и вышел на веранду. Главный молча смотрел в окно.

– Давай я помогу тебе собрать вещи, а маму ты очень скоро увидишь, но сегодня придется поехать с нами.

Скривившись, Андрюша продолжал беззвучно плакать. Женщина увидела чемодан, который Мария приготовила для дальнейшей поездки, открыла его и с облегчением сказала главному:

– Вещи здесь собраны. Мать позаботилась.

Мужчина несколько раз предлагал Марии подписать бумаги. Но она не соглашалась. Со вздохом он сложил документы в папку, перед этим еще раз внимательно просмотрев все это.

– Товарищ, а кто вас подбил на этот путь? – не мог успокоиться главный. – Вы что, не видите, как это вредно? Как это расходится с мнением всего народа? Вот вы сами виноваты, что у вас ребенка забирают...

Мария ничего не отвечала. На улице послышался шум. Это приехал начальник милиции. Люди, чуть успокоившись, опять зашумели с новой силой. Начальник выбрал другой метод воздействия. Подходя к самым крайним, он говорил:

– Так, быстро домой! Ясно?! И ты! Домой, немедленно!

Но вскоре и его окружили люди, спрашивая, чем провинилась Мария. Начальник милиции побагровел и закричал:

– А ну, по домам! Разойтись немедленно! Всех в список!

Он кричал до хрипоты, жестом заставив Александра Степановича составлять список. Но в толкотне и геме ничего не получалось. Зайдя в дом, разъяренный начальник накинулся на Марию.

– Это все суббота твоя виновата! Была человек как человек, а посмотри, кем стала... Ребенка забирают, людей против властей подстрекаешь. Заберем и все! А тебя посажу! Будешь ты у меня знать!

Он с силой хлопнул ладонью по столу, заставив вздрогнуть буквально всех.

– Так, будем забирать двоих. Лучше пережать, чем недожать. А в отделении разберемся. Товарищ, одевайтесь.

Мария не сопротивлялась. Самое главное, что они будут вместе, что их не разлучат. Через несколько минут Андрюша, мужчина в штатском с чемоданом, Мария, набросив на себя платок, выходили на улицу. Кто-то вскрикнул. Во дворе, где собралось около тридцати соседей, стало тихо, замолкли и мальчишки, подъехавшие на велосипедах и остановившиеся у зеленого забора. Увидев столько людей, Мария снова почувствовала себя

плохо. Сердце сжалось, ноги подкосились. Кто-то сзади произнес:

– Она не поедет! Пусть остается дома.

В последних проблесках сознания Мария крикнула:

– Андрюша, до встречи, сынок. Беги, беги!

Она упала на руки подбежавших людей. Некоторые женщины начали голосить.

Андрюша и в самом деле неуверенно побежал по такой знакомой дорожке, но был словно в каком-то тумане: куда бы он ни бросался, везде наталкивался на людей. Высокий мужчина, видя, что мальчишка пытается убежать, бросился вслед за ним и схватил его за руку. Тут Андрюша начал кричать:

– Мама, мамочка!

Бабушка Даша, соседка, жившая напротив, потеряла сознание. В суматохе и беготне комиссия во главе с высоким мужчиной с Андрюшей на руках быстро выбежала на улицу.

Опешившие, плачущие люди остались стоять у дороги. Они смотрели, как в пыли уносятся милицкий УАЗик и черная «Волга».

Марию занесли в дом, пытались привести в сознание. Кто-то побежал за жившей неподалеку медсестрой. Ее вердикт был очень простым: сердечный приступ. Отпаивали Марию какими-то каплями, но ее состояние было тяжелым.

Через полчаса во дворе никого не было, за исключением нескольких соседок. В доме Марии во-

царила тишина. Ни одного веселого голоса в тот вечер не слышалось на улице. Можно было видеть, как возле окон стояли матери и слезы катились по их щекам. Так они сопереживали горькой судьбе своей соседки. Что они еще могли делать? Дед Иван предложил написать заявление. Описав все события этого вечера, соседи в заявлении просили вернуть ребенка матери, а потом поставили свои подписи. Это был смелый поступок.

На вечернем служении новость распространилась и среди верующих. Первыми к дому Марии пришла сестра Света и Арсений Иванович с женой. Состояние Марии по-прежнему вызывало тревогу. Со слезами на глазах они склонились у кровати, прося Бога сохранить ее жизнь. Приближалась еще одна суббота лета 1975 года.

– Здравствуй, сестричка.

У ее изголовья склонился Арсений Иванович, в комнате была тетя Варя и еще несколько сестер. Очнувшись, Мария огляделась по сторонам. Потом, отвернувшись к стене, заплакала.

– Сестричка, успокойся. Успокойся, пожалуйста!

Постепенно Мария взяла себя в руки. Она выпила воды и попыталась было встать, но была еще слишком слабой.

– Нет, не вставай. Еще рано...

– Какой сегодня день?

– Воскресенье...

Мария закрыла глаза. Сердце сильно болело, но боль была терпимой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Сердце болит...

– Я знаю, после такого...

Видя, как на глаза Марии снова наворачиваются слезы, он замолчал.

– А куда увезли, неизвестно?

– Пока нет, но соседи обещали разузнать, чтобы ты могла поехать, как только поправишься.

– Может, завтра. Куда ехать?

– Нет, завтра никак нельзя. Тебе нужно поправиться.

Удостоверившись, что дела пошли на поправку, братья и сестры ушли. Мария осталась одна. Голова была полна всяких мыслей, она снова и снова прокручивала события пятницы. «Что я сделала не так? Наверное, не нужно было привозить Андрюшу? Как мог так поступить Александр Степанович? Он обещал». Его расписка по-прежнему была у нее. Чувство обиды нахлынуло на нее, но она не считала его своим врагом. Видимо, ранее она не догадывалась, сколько сил вовлеклось в эту нечестную игру.

Мария потихоньку поправила подушку и легла чуть выше. Прислушиваясь к тишине, царящей в доме, она чувствовала, что внутри тоже тихо. Что-то порой рвалось внутри: побыстрее найти Андрюшу, каким-то образом позаботиться о нем, но она, как

никогда, понимала, что сейчас Кто-то другой, более могущественный и сильный, чем власти этого мира, заботится о ее сыне. В эти тихие моменты она ничего не спрашивала у Бога. Испытания, пережитые раньше, многие раздумья о бедах, постигавших других братьев и сестер, только больше убедили ее в одном библейском обетовании из Послания к римлянам: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу».

Еще там, в здании суда, услышав решение, Мария, уповая на Господа, пережила эту потерю. Она знала, что, если Он допустит, это произойдет. И Бог поможет перенести любое испытание.

Больно было из-за жестокости людей, из-за обмана, но в то же время сердце Марии было наполнено особой благодарностью тем, кто жил с ней рядом. Они не побоялись даже начальника милиции, пытаясь отстоять ее и Андрюшу. Ей казалось, что, если бы все они сейчас оказались рядом, у нее просто не хватило бы слов, чтобы описать их поступок.

С ее кровати был виден кухонный стол, на котором стояла эмалированная мисочка с клубникой. На хлебнице лежала свежая булка, стояли еще какие-то тарелки, наполненные едой, рядом с кроватью кто-то заботливо оставил воду и несколько яблок. «По-заботились...» – Мария, вздохнув, отвернулась к стене и пыталась снова уснуть. Но не прошло и десяти минут, как кто-то тихонько вошел в дом.

– Кто там? – послышался слабый голос Марии.

– Маричка, это я, тетя Варя.

– А, вы... Заходите.

– Как ты тут?

– Да ничего. Уже легче.

– Я буквально на минутку. Представляешь, вчера жена участкового к бабушке Даше заходила. Они и раньше вроде бы знались. Так ее даже на порог не пускали. Она о тебе расспрашивала. Плакала, прощения просила... Говорила, Александр Степанович пришел домой черный, заболел, сутки на улицу не выходил... Нехорошо он с тобою...

– Да ладно, Бог с ним, тетя Варя. Я на него зла не держу – он человек подневольный.

– Да какой такой подневольный – ребенка у матери забирать? Вот явится он, мы с ним по-другому поговорим...

Мария не хотела дальше продолжать этот разговор, чувствуя, как боль в груди становится резче.

– Мы уже все выяснили. Андрюша недалеко, так что только поправишься – поедem к нему. Эх, вражеская рука! Будем письма писать, бороться, вернем мы...

Мария только кивнула. Тетя Варя побыла еще несколько минут и ушла. В доме опять воцарилась тишина.

Мария словно во сне входила в массивные двери школы-интерната, на которых была кнопками

пришпилена надпись, видно, сделанная кем-то из детей: «От ленинской науки крепнут разум и руки». В ее руках было несколько сумок. В одной лежали предназначенные для Андрюши вещи, а в другой – всякие вкусности и зеленая бутылка лимонада. Женщина зашла в административный корпус. На стенах, до половины выкрашенных синей краской, висели красочные и яркие рисунки. Немного пахло хлоркой. Даже сейчас, в конце июля, в коридоре было как-то прохладно. Мария шла на встречу с директором интерната.

– Добрый день.

Внимательные глаза миловидной женщины с красивой «ракушкой» на голове смотрели на нее. Она была одета в серое модельное платье в крупную клетку, перевязанное пояском с блестящей пряжкой.

– Добрый день.

– Я Иванченко Мария.

– А, вы...

Женщина спешно поднялась, жестом приглашая ее присесть.

– Садитесь, пожалуйста. Андрейка – ваш мальчик... Очень мило... Ага, сейчас...

Она сразу же начала доставать какие-то бумаги.

– А мне можно будет с ним увидеться?

– А... сейчас... Тут такая ситуация...

Женщина в конце концов прекратила поиски и села на свое место.

– Видите ли, тут у вас ситуация неординарная вышла... Как-то спешно все... Я хотела вас и сама предупредить, но обстоятельства...

– Ну, так он у вас или нет? Скажите, я смогу с ним увидеться сегодня?

Лицо женщины стало серьезным.

– Вы поймите, не мы тут всем командуем. Мальчика привезли к нам, мы его оформили. Определили в группу. Все было хорошо. Потом через несколько дней его повезли в другой интернат и документы все у нас забрали. Но вы придите завтра, а я попытаюсь выяснить, куда его повезли. Договорились?

Мария не смогла ничего ответить. По ее щекам снова катились слезы. Она только кивнула в ответ и вскоре очутилась на улице. «Прячут Андрюшу от меня... – только эта мысль крутилась в ее голове. – Как же найти его?».

Прошло еще несколько недель. За это время Мария несколько раз ездила в интернат, обращалась в милицию, но везде наталкивалась на глухую стену. Ее убеждали, что с ребенком все хорошо и что скоро все прояснится. Просьбы и слезы матери не помогали. У Марии начали опускаться руки. После очередной попытки найти сына она возвращалась домой. Как тяжело ей было смотреть на коричневую сумку с вещами, приготовленными для Андрюши. Она уже не надеялась увидеть его.

Много людей побывало у нее. Почти каждый день приходили братья и сестры. Но особенно важной была встреча с одной женщиной. Она многое помогла осознать Марии. Это была сестра Татьяна, жена проповедника. Ее мужа репрессировали за распространение духовной литературы. Связь с ним прервалась, утяжелив и так нелегкую ношу этой верной женщины. Когда сестры во Христе встретились, буквально с первых фраз Мария почувствовала, что ее понимают.

– Когда прошло около четырех месяцев, я поняла, что если я что-то не изменю в своем отношении к этой беде, то она просто проглотит меня. Все в доме мне напоминало о муже. Каждая вещь вызывала в памяти те моменты, когда он к ней прикасался, и это было просто невыносимо. К этому добавлялись мысли обо всех тех ужасах, которые переносят наши братья в тюрьмах, об издевательствах. Дети заметили, что я настолько осунулась и постарела, что многие перестали меня узнавать. Не проходило и вечера, который не оканчивался слезами. Пересматривая фотографии, я думала о том, что мы расстались навсегда. Ночью мне снилось, что вот, наконец, назначен день нашей встречи. Я знала, что вся наша семья мечтает об этом. И за несколько дней до его освобождения что-то страшное случилось в тюрьме. Мне снились несчастные случаи и преступники. От ужаса я просыпалась. В такие ночи я больше не могла уснуть. Меня трясло, я

падала на колени и снова и снова со слезами на глазах просила Бога сохранить его от всего плохого.

Мария внимательно ловила каждое слово. «Как это похоже на меня! Как нелегко мне брать в руки детские игрушки, его вещи...».

– И что вы изменили, Татьяна Ефимовна?

– Мария, виной этому были моя мнительность и недоверие Богу. Я столько раз слышала о том, что стоит доверять Господу свою жизнь и жизнь своих родных, и мне всегда казалось, что я так и поступаю, но только в этих страшных обстоятельствах я поняла, как это – доверить себя и своих близких в руки любящего Спасителя. Я просила у Бога прощения, и Он сделал нечто удивительное для меня. Я осознала одно: если Ему угодно, чтобы эта желанная встреча произошла здесь, на Земле, это случится, и никакая сила не сможет помешать этому. Если Он приготовил что-то другое, я готова принять Его святую волю.

– Как бы я хотела так думать и верить...

– Именно тогда я поняла, что надежда в Иисусе Христе, данная нам, не просто призвана помочь в трудное время, а она – центр и смысл всей нашей жизни. После этого я по-другому стала относиться к разлуке. Расставаний и встреч много, и они учат нас мечтать о нашей вечной Родине, а не привязываться к счастливым моментам прошлого, плача и страдая, когда они исчезают.

– Как это можно забыть?

– Нет, сестра, забыть невозможно...

Мария увидела, как глаза этой мужественной женщины заблестели. Она положила свою руку на руку Марии.

– Не забывается... Помнится... и верится. И сердечко болит иногда. И мужа своего я крепко люблю... Сильно люблю и жду встречи. Но мир Божий, который превыше всякого ума, успокаивает и дает силы жить дальше. Я не боюсь, что стану сумасшедшей из-за этого или впаду в отчаяние и разуверюсь. Я живу ради служения, ради детей... Тебе нелегко – они забрали единственное и ценное, что было только твоим, но ты помни слова Иисуса: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

– Да, я читала эти тексты недавно...

– Через эти страдания Он ведет нас по узенькой тропинке в ту страну, где не будет никаких печалей и бед. И теперь, в разлуке, я мечтаю об этом времени. Если быть честной, то у нас в семье было много счастливых моментов до суда. Иногда по вечерам мы собирались вместе и, глядя на детей, я мечтала, что они вырастут, создадут свои семьи, что наступят более счастливые и свободные времена... Да, может, это еще будет, даст Бог. Но это не должно быть главным в жизни, потому что она проходит очень и очень быстро. Теперь я жду, когда вернется наш Господь и окончится наше странствие. Тогда мы обречем свою Родину. И даже если

не встретимся с родными сейчас, то там нас ждет радостная встреча.

Они еще о многом говорили в этот вечер, плакали, молились. Мария почувствовала, что начинается новый период в ее жизни. Идя как-то вечером на собрание, Мария остановилась: вдалеке открывался красивый пейзаж. Садилось солнце, дул легкий ветерок. Она вздохнула полной грудью, подняла голову к небу и поблагодарила Бога за все, что было с ней в этой жизни. Мария поблагодарила Его за то, что Он подарил ей сына и эти годы общения с ним. Попросила сохранить его верным Богу на всю его жизнь вдали от нее. И впервые за все это время на ее лице появилась умиротворенная улыбка...

Не унывай, страдалец, много,
Считай земное все за тень,
Тесна, скорбна твоя дорога,
Но будет воздаянья день.

Теперь даны тебе невзгоды,
Чтоб ты очистился душой,
Пройдут страданий тяжких годы,
Настанет сладостный покой.

Бог скорбь дает нам не напрасно,
В ней смысл таинственный сокрыт,
Кто на земле живет несчастно,
Поверь: тот Богом не забыт.

Смирись же пред Отцом Небесным,
Ему всего себя отдай,
И твердо верь, что путем тесным
Тебя введет Он в чудный край.

Придет Христос! Придет, поверьте!
Не в том венце, что был казнен,
Придет Он как Владыка смерти,
Чтоб суд свершить Свой над людьми.

ПЕРЕМЕНЫ

Улыбаясь, пастор подходил к каждому посетителю церкви и пожимал руку.

– До свидания.

– Всего хорошего вам.

– До вечера! Пусть Господь благословит вас!

Только что закончилось субботнее служение в доме молитвы Церкви адвентистов седьмого дня. Люди группами выходили на улицу, любовались растущими возле церкви розами, не спеша шли домой. Пастор тоже вышел во двор, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Подняв голову и прикрыв глаза ладонью, он смотрел, как на огромной высоте в небе летел самолет. Даже с земли можно было рассмотреть цвета его хвостовой части.

Хотя солнце, порядком утомившее за последние несколько месяцев, продолжало настойчиво согревать землю, в воздухе чувствовалась свежесть приближавшейся осени. Это были последние дни лета 2006 года...

Заходя обратно в здание, пастор мимоходом обратил внимание на церковные окна, которые чуточку потрескались от жары и потеряли свой цвет: «Так, нужно будет собраться всем вместе и перед зимой привести нашу территорию и здание в порядок...».

В коридоре несколько человек стояло возле доски объявлений, где появилась свежая информация от отдела здоровья и воздержания, а также от отдела служения женщин. Кроме этого, на стенде висели объявления об адвентистских санаториях, учебных заведениях, летних и осенних планах, о графике работы христианских лагерей, проведении межобластного музыкального фестиваля и т. д. В особом месте был вывешен распорядок служений и ответственных служителей на 4 месяца вперед...

Закрывая дверь пасторской, Павел Владимирович еще раз посмотрел на кафедру и подумал: «Хорошее было служение. Жаль, некоторых не было. Мария Васильевна вторую субботу пропускает. Сердце... Нужно зайти к ней на неделе, повидать ее...»

Супруга пастора Елена отправилась домой чуть раньше. Сегодня у них в гостях была молодая пара, поэтому, как только окончилось служение, она поспешила домой, зная, что на обеденный перерыв остается не так уж много времени. А вечером одна из домашних церквей ждала пасторского посещения.

Мария Васильевна сидела у окна. На подоконнике ее небольшого дома, плотно подкрепившись, дремал кот. Сердце немного успокоилось, но неприятные ощущения остались. «Чего же ты хочешь в шестьдесят пять лет? – спрашивала она себя. – И так, слава Богу. Еще тружусь, сама о себе забочусь...».

Настроение было не очень. После стольких лет в церкви проводить субботу дома было просто невыносимо. Казалось, что часы и минуты слиплись, а теперь растягиваются, как какая-то клейкая, тягучая масса. Мария уже и пела псалмы, и читала книги. В 11 часов она подошла к недорогому DVD-плееру и включила проповедь, заботиво записанную для нее Сашей. Темы ей нравились, нравился и проповедник. Но чего-то не хватало... Она знала чего: особой субботней атмосферы, всегда наполнявшей ее сердце, возвышенного состояния, совместной Субботней школы, торжественного приветствия пастора, шума молодежи на балконе... Не хватало, и все!

В такие субботы ее сердце часто переполняли воспоминания. А вспомнить было о чем...

Стремительно летело время. Радостно было наблюдать за церковью, как она растет, наполняется новыми людьми, сколько детишек, молодежи... А Молитвенный дом какой красивый! Построенный пять лет назад, он был настоящим украшением их города. Даже посторонние люди отмечали, насколько благородным и возвышенным получилось это здание.

Что-то постоянно обновлялось... Мария Васильевна помнила еще старую массивную кафедру, которую убрали в прошлом году. Сейчас в моде другие материалы – новая кафедра блестела металлическими трубочками и была совсем небольшой. Обязательным атрибутом современности была особая полочка, где проповедующий мог разместить свой ноутбук в случае необходимости. Псалмы тоже перелетели с желтоватых страниц сборников на большой настенный экран...

Мария Васильевна вздохнула. «Где те старые песни, тетрадки, сборники?..». Даже в ее шкаф, где можно было найти с десяток подобных книг, никто давно не заглядывал. Достаточно было вставить диск с песнями под караоке – вот тебе и голос, вот тебе и сопровождение.

Воспоминания уносили ее еще дальше... Нельзя было забыть тот волнующий день, когда в 1995 году в их Доме культуры начались евангельские встречи. Первый раз тогда звучала незнакомая речь с переводом, на огромном экране мелькали замысловатые слайды, пели новые песни. А сколько шума было после лекций о здоровье? Только вспомнить... После евангельских встреч к их общине присоединилось 60 человек. Вот это радость!

Вспомнилось, как раньше все как один собирались на служение. Если кто-то отсутствовал, то для него это было настоящей трагедией. Песни пелись под пианино, а когда его забрали – под аккорде-

он, на котором играл простой и добродушный брат Миша. Нотной грамотой он особо-то и не владел, но играл от всей души. А бывало, что и просто так пели, без всяких инструментов... Кто-то начнет – и через мгновения вся община присоединялась к этому пению. Вспомнилось, как чинно и серьезно Арсений Иванович читал каждую тему и проводил так называемые беседы. «Успокоился братик... В каком это году случилось? 1982, что ли? Сердце не выдержало... Вот он бы увидел! Вот он бы обрадовался! Мм... – она покачала головой. – Если бы он только видел. Не напрасно все было, не напрасно боролись, терпели не напрасно». Далекие семидесятые до краев заполнили ее память. И не могла крупная материнская слеза не сопровождать эти воспоминания...

Что-то начало жужжать на столе. Мария Васильевна никак не могла привыкнуть к мобильному телефону, но время брало свое – приходилось приспособливаться. Указательным пальцем нажав нужную кнопку, она произнесла:

- Я слушаю...
- Счастливой субботы, Мария Васильевна!
- А, брат Павел! Приветствую!
- Как вы там? Как самочувствие?
- Уже легче, слава Богу. Правда, непривычно мне субботу дома проводить, но что поделаешь...
- Ничего, будем ждать вас в следующую. Мария Васильевна, я хотел к вам заехать, провести. Вы не будете против?

– Братик, ну когда я была против гостей, тем более братьев по вере?! Заезжайте в любое время. Просто я переживаю, что у вас времени немного, а вы его на меня тратите. Вы ведь так заняты. Это совсем не обязательно...

– Мария Васильевна, не переживайте, для вас время всегда найдется. А еще молодежь к вам собирается.

– О, пусть приходят! Сегодня?

– Не знаю. Выясню – обязательно вам позвоню.

– Братик, а как там в церкви? Люди были?

– Были, были. Ольга Дмитриевна о вас спрашивала. Кстати, моя Леночка вам привет передавала.

– Спасибо, взаимно передавайте всем. Надеюсь быть в следующую субботу, если Бог позволит. А молодежь пусть приходит. Я всегда рада. Ты ведь знаешь, что у меня и раньше людей много дома было, и домашняя церковь собиралась...

– Знаю, знаю, сестричка. Обязательно придут.

– Ну ладно, тебе, наверное, пора. Приезжайте, может, вдвоем с Леночкой.

– Будем стараться. С Богом, Мария Васильевна!

– С Богом!

После разговора с пастором Мария Васильевна вернулась к своему уютному месту возле окна. На душе появилась какая-то теплота. «А если еще гости пожалуют...» Раньше, до того как построили церковь, у нее дома каждую пятницу собирались люди.

Перед этим Мария Васильевна особым образом готовила большую комнату: расставляла стулья, зажигала свечи, а в центр стола клала большую Библию, которую в церкви подарили на день рождения. Пелись песни, братья и сестры делились пережитым на неделе, вместе молились и читали наставления. Тихими и уютными были эти вечера. Даже маленькие дети, усевшись на старом высоком диване с пружинами, тихонько слушали взрослых.

Как сильно эти встречи напоминали тихие вечера у Левченко. Та же Библия, те же книги, только в новых ярких обложках. Хотя... нет, появилось много нового. Новые настроения, новые темы для разговоров. Все стало чуть прагматичней, смелей, не так таинственно, не так торжественно... Но в эту минуту сестре Марии так хотелось верить, что там, глубоко в сердце, осталось то, что они ценили больше всего – крепкая вера в то, что Бог знает, слышит и отвечает им. Твердая уверенность в избранном пути и в цели, поставленной перед каждым искренним путником, направляющимся в землю Обетованную.

Как-то вечером пастор подъехал к небольшому домику Марии Васильевны. Она жила немного в стороне, на горке. Справа от ее участка стоял большой соседский дом с высоким серым забором, а слева – начиналась небольшая роща, уходившая

куда-то вниз, к заболоченному озерцу. Дождей в этом году выпало много, все заросло травой и бурьяном, но на дворик сестры Марии было приятно глянуть: много цветов, прямо возле колодца примостилась высокая грядка с помидорами, а широколистный виноград спасал от жары, затеняя добрую половину двора. Пастор с сумкой и небольшим пакетом вошел во двор. Из будки показалась мохнатая голова старенького Дружка. Он стал настолько ленивым, что, видя знакомое лицо, даже не удосуживался гавкнуть раз-другой. Но теперь он все-таки вылез и, виляя грязным, облезшим хвостом, направился к пастору.

– Так, Дружок, только не прыгай, а то меня жена потом спросит, где я был.

Пес, услышав тон голоса, все понял и повернул назад. Дверь в доме открылась. Показалась Мария Васильевна с радостной улыбкой на лице.

– О, братик! Я так рада, что ты пришел!

Пастор подошел поближе и пожал руку сестры.

– Мария Васильевна, приветствую. Как ваши дела?

– За все слава Богу. Не жалуемся!

– Вот, возьмите. Это Леночка передала.

Пастор протянул Марии Васильевне пакет, где лежал хлеб, который уже давно сами пекли в семье пастора, а еще немного фруктов.

– Братик, зачем ты беспокоился? У меня ведь все есть.

– Такого хлеба, как жена печет, у вас точно нет. Так что не сопротивляйтесь.

– Спасибо ей большое. Пойдем в дом?

– Можно и здесь, на улице, поговорить. У вас такая лавочка удобная. Сегодня как-то и не жарко.

– Правда, правда. Две недели назад даже вечером дышать было нечем. Сейчас я...

Сестра Мария направилась в дом, а вернулась через несколько минут с большим пакетом, куда успела насыпать яблок, положить баночку своих фирменных огурцов и две большие шоколадные конфеты.

– Так, а это хозяйке и деткам своим передашь.

– Ну, а вы-то зачем беспокоитесь?

– Каков привет, такой и ответ!

Они рассмеялись. Павел Владимирович и сестра Мария сели на лавочке. Из дома не спеша вышел кот и вскоре очутился на руках у хозяйки. Через мгновение ко всем звукам лета, далекому лаю собаки добавилось его мерное мурлыканье.

– Братик, расскажи мне, что там нового? Как у вас дела? Трудитесь?

– Трудимся, трудимся. Евангельские встречи скоро. Молимся, делаем пригласительные.

– Так хочется, чтобы много людей пришло.

– Сестричка, вы же знаете, сейчас много не приходит. Теперь каждый человек, который к Богу обратился, – как чудо.

– Я знаю. Наверное, так и раньше было. Ведь написано, что Небо за одного радуется. Были вре-

мена, когда больше людей было. И мы как-то ревностнее были, что ли...

– Я верю, что все еще впереди. Вот молодежь подрастает. Хотя и о них много переживаем...

– Им сейчас нелегко. Сколько перспектив открывается, все вокруг по-другому живут. Вот посмотришь, что в мире делается, – ужас! И выпивка, и наркомания, и танцы... И все вместе. Раньше, бывало, напьется кто-то из молодежи, так стыдили. И в школах, и в институтах. А сегодня смотрю: соседская девочка (в институте учится) с двумя бутылками пива идет! Я ей: «Танюша, что это у тебя в руках? Отец попросил купить?». А она так... смущается. А я потом глянула, а одна бутылка открытая, уже наполовину пустая. Я ей говорю: «Доченька, как же ты это пьешь? Опьянеешь ведь...». А она: «Бабушка Мария, так это же пиво...». Ох, как я расстроилась! Такая девочка вроде бы хорошая.

– Сестра Мария, это сейчас везде. Курят, пьют... Я еще за другое переживаю. Что все, что мы видим вокруг: вся эта суета, жизнь распутная – это только результаты. Результаты того, что нет никакой духовности внутри, какого-то стержня. Принципиальности, верности... Получается верить – веришь, прижали обстоятельства – уже об этом не думаешь.

– Братик, так человек, наверное, устроен, ищет, где комфортней ему будет. И не понимает, что комфортно может быть только тогда, когда в душе –

мир и покой. А когда в душе тебя что-то грызет, съедает – никакие богатства и почести не помогут.

– Это верно. Но, видите, Мария Васильевна, многие думают, что у них все это есть: и духовность, и мир Божий. Говорят: «У каждого своя дорога к Богу, у меня-то Бог в душе есть». А в жизни – все по-старому. И получается, что где-то в глубине люди Бога, веру все-таки не принимают, живут так, как жили...

Они замолчали. Павел Владимирович, глядя куда-то в сторону, думал о том, как важно не останавливаться, укрепляться в вере, а случается по-другому: сделал шаг на пути духовного возрастания – и к этой вершине начинаешь привыкать, искать успокоения и комфорта. И незаметно опять внизу оказываешься...

– Кстати, как там Лидия Емельяновна?

Пастор прервал свои раздумия.

– Лидия Емельяновна? Заезжал я к ней на прошлой неделе. Она в плачевном состоянии. Выходить на улицу не может, все время в комнате.

– А дети, дети как?

– Поесть внучка приносит – сын отказался заботиться. Она внучке почти половину пенсии отдает, чтобы та два раза в день тарелку борща занесла, какой-то каши, купила кефира, хлеба... Что сказать? Для сына вообще ничего святого нет – он к ней и не зайдет, и не поздоровается. Но Лидия Емельяновна никого не винит и не обижается. Говорит, что сама

виновата. В церковь, к Богу она пришла не так давно, а до этого в семье разное бывало. Случалось, что и она с детьми несправедливо, жестоко поступала, а еще отец пил... Вот и выросли детки. Бабушку за деньги кормят. А сколько таких людей вокруг?

Пастор покачал головой.

– Придешь – увидишь только слезы. Всю жизнь прожить и в таком унижении ее оканчивать... Вон к Дарье Ивановне внуки недавно приехали ночью, пьяные. Побили ее, остатки пенсии забрали... Ну разве это внуки? Как так можно?

Мария Васильевна вздохнула.

– Да, раньше такого не было... Досмотреть родителей – святое дело.

Немного подумав, сестра Мария устало улыбнулась.

– А я, братик, только на Бога надеюсь. Нет у меня никого...

– Знаю, знаю, Мария Васильевна. Но у вас самое главное есть – надежда и вера, а об остальном Бог позаботится.

– Знаешь, братик, часто я те времена вспоминаю, сынишку своего Андрюшу. Где-то он ведь есть? Думаю, может, ищет меня, может, Бог даст свидеться... Как он? Одно я знаю точно: он Бога не оставит. Я ведь его и молиться научила. А сколько историй он из Библии знал... Придем в пятницу вечером с собрания, он залезет на стул и говорит: «Мама, сейчас я буду проповедовать, как Арсений Иванович».

Я ему читала какую-то библейскую историю, и он мне ее пересказывал. Так с выражением... руками машет... А в конце я его спрашивала:

— Андрюша, чему учит нас эта история?

Тут приходилось ему немного помогать, чтобы вывод практический сделать.

— Мария Васильевна, Бог все знает. Я думаю, что Андрюша ваш в Его крепких руках и ничего плохого с ним не случится.

— Вот бы свидеться с ним... Я когда думаю об этом, напеваю псалом «Бог с тобой, доколе встретимся...». Там слова хорошие: «Там мы встретимся с тобою, пред вечным престолом Отца».

Пастор начал тихонько напевать мелодию псалма. Он и ему очень нравился.

— Я помню, как мы его пели, когда Александр Петрович с семьей от нас уезжал.

— Да, пережили они тоже немало в этих краях. И в тюрьме брат сидел несколько лет. А все за литературу... А сейчас книг — десятки, сотни. Свобода...

— Да, только раньше каждую книгу внимательно перечитывали, ценили, а сейчас вон в библиотеке больше ста книг лежат, пылятся, и только некоторые читают. А чтобы газету или журнал наши выписывали — целая проблема. У моих родителей каждая газета, каждый журнал хранился. Выписывали все, что можно. А сегодня — изобилие, перебирать стали. То скучно, то обличает...

– Информации много. Телевидение появилось. И Субботняя школа, и проповеди – только бери. Мы о таком и мечтать не могли. Такая борьба была – страшно вспомнить.

– Знаете, сестра Мария, вот когда боролись, тогда и сильнее были. Люди объединялись, Библию хорошо знали. Все эти опасные обстоятельства как-то нас ободряли в духовном плане. А сегодня – немного расслабились. Но проблемы ведь остались...

– Лукавый не дремлет. И сегодня великая борьба за души человеческие продолжается. Просто мы этого не замечаем.

– Сегодня еще прилежнее нужно читать Библию, молиться. Искушений больше. Да и время к концу идет...

Послышался телефонный звонок. Пастор достал мобильный телефон.

– Конец свободе с этими телефонами! Кто это меня там ищет?

Через полминуты пастор, извиняясь, произнес:

– Мария Васильевна, мне пора. Что-то в церковь привезли, а ключей нет, нужно открыть. Я рад, что мы поговорили. Не болейте, держитесь.

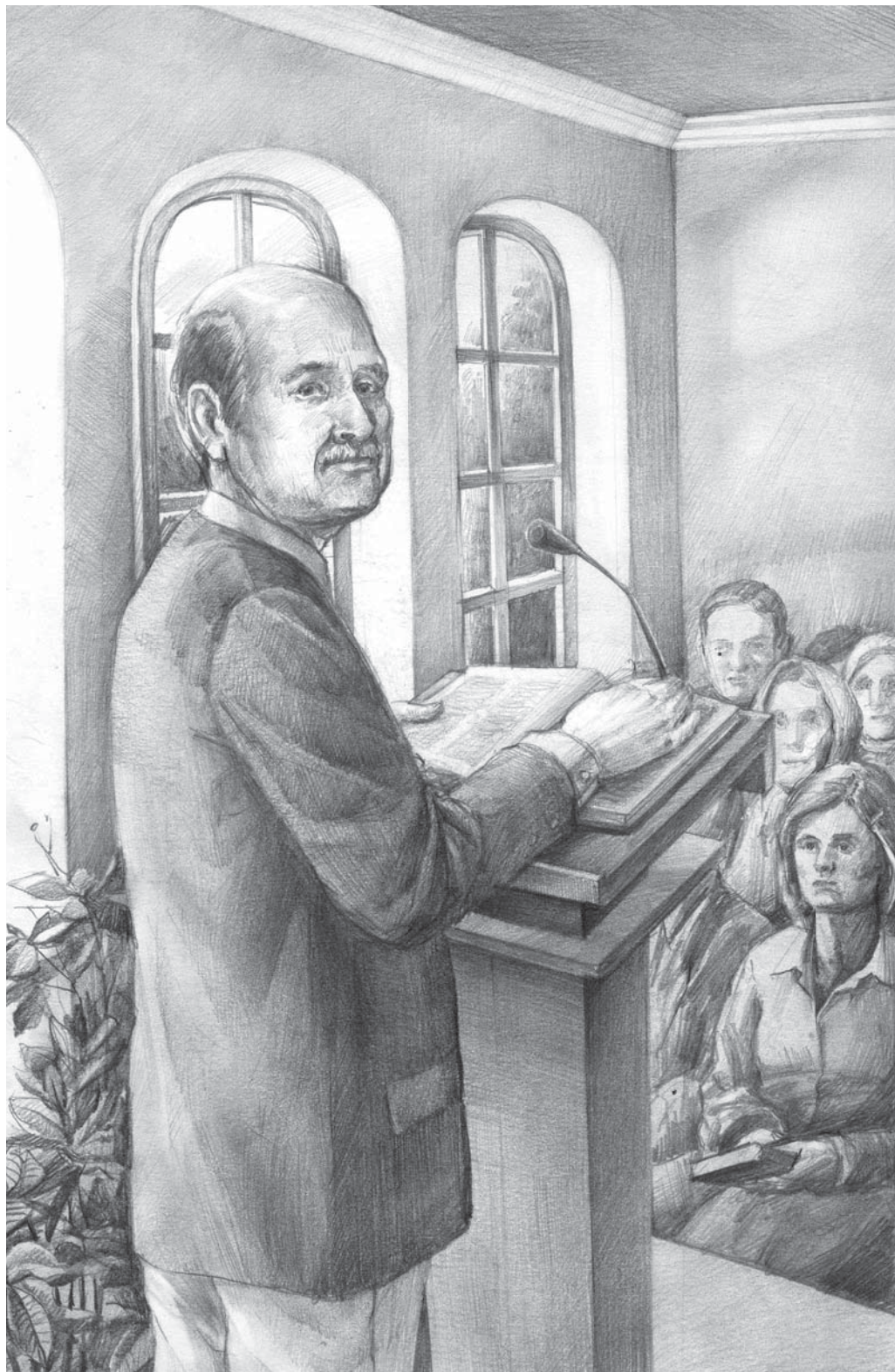
– Я тоже рада, братик. Когда ты приходишь, мне веселее, не так одиноко.

– Сестричка, помолитесь за мою дорогу, пожалуйста.

– Конечно!

Через минуту Павел Владимирович уже отъезжал от домика сестры Марии. Увидев, как она машет ему рукой возле калитки, он посигналил в ответ.

ПРИХОДИТЕ!

Если бы кто-нибудь мог заглянуть в уютный дом пастора в то утро, когда спокойный мягкий солнечный свет одаривал все своим теплом, то он бы увидел Павла Владимировича, комфортно расположившегося за столом и приводящего в порядок некоторые записи. Время от времени, когда натиск церковных дел и звонков немного ослабевал, он посвящал время тому, чтобы спокойно обдумать все происходящее, помолиться об этом и снова приступить к активной деятельности. И теперь пастор внимательно прочитывал все записи в специальном ежемесячнике. Что-то вычеркивал, что-то переносил на другие дни, тщательно планируя события на недели вперед.

В эти минуты тысячи мыслей проносились в его голове: множество фамилий, кого нужно провести; работа с молодежью, с детьми; социальные проекты церкви; работа церковных отделов. Его лицо было сосредоточенным и серьезным, но временами он

смотрел с улыбкой куда-то вдаль, где виднелись крыши десятков домов, а также серые коробки многоэтажек. Хотя служение в церкви было серьезным делом, не обходилось и без курьезных моментов. Ведь время от времени каждый человек может запутаться, заговориться и попасть в какую-то смешную историю. В детском классе двух сыновей Адама называли не иначе как Кавель и Авель. Так, видимо, было удобней детям и легче для запоминания.

Не меньше удивления доставляли животные, незаметно пробиравшиеся в церковь во время служения. Павел Владимирович хорошо помнил, как в небольшой общине в зал пробрался кот и, став возле кафедры, стал громко мяукать, глядя на пастора. Когда одна сестра попыталась поймать кота, он юрко прошмыгнул под лавки, переполошив всю церковь.

«Конечно, – думал он, – для меня церковь никогда не была скучной. И не только из-за людей, тысячей житейских историй и судеб. Она невидимыми нитями связана с вечной жизнью, в сравнении с которой все земное кажется пустым и бессмысленным».

Мягкий голос супруги оторвал пастора от его раздумий:

– О чем думаешь?

Он поднял голову и улыбнулся.

– Как будто ты не знаешь! Ты уже вернулась? Как дела?

– Забежала на рынок. Потом – в музыкальную школу, к учителю по сольфеджио. Договорилась

о нескольких дополнительных уроках, а то успеваемость сына ухудшилась: диктанты плохо пишет, в тетрадках – грязно.

– Нужно будет вечером тетради глянуть...

– Да, не помешало бы. После твоих просмотров тетрадки можно на выставку посылать! Заставишь переписать половину...

Лена улыбнулась и села возле мужа, положив голову ему на плечо.

– Как подготовка к жатвенному?

– Нормально. За это я меньше всего переживаю. Молодежь готовит программу, а ты знаешь, что если Саша взялся что-то организовывать, то я уже не переживаю.

– Хорошие помощники у тебя.

– Ну а как же! Энергии у них – много. Правда, все равно немного направлять нужно, а то, бывает, что-то как придумают...

– Не без этого.

Павел Владимирович подошел к окну.

– Понимаешь, до тех пор, пока тема спасения снова не займет свое место, церковь будет просто одним из клубов, где учат хорошо жить, строить крепкие семьи, воспитывать правильно детей. Это будет самым лучшим хобби и способом отлично провести свободное время. Здесь будут распространять интересные книги и компакт-диски, но самая маленькая церковь в небольшом домике, указывающая на правильный путь спасения, цен-

нее, чем огромная церковь с множеством ресурсов, которая не приведет к Богу и спасению.

– Ты переживаешь... Кстати, я не спросила о пасторском классе. Как там дела?

– В эту субботу снова пришла Клавдия Матвеевна. Болеет, переживает за детей, внуков. Так хочется, чтобы она нашла себе успокоение. Она как меня видит – так сразу в слезы. Говорит: «Я как сюда прихожу, то с меня словно груз тяжелый падает, а как пойду домой – опять проблемы, распри. Сын с женой своей ссорится. Внук болеет. А я переживаю...». Я слушаю и мне самому ее жалко, потому что за всю жизнь ни одного просвета не было, ничего доброго в своей жизни не видела.

– Да, мы той жизни не знаем. У нас всегда есть цель, надежда. Мы видим, как Бог церковь благословляет, как люди спасаются...

– Вот за это я больше всего, Леночка, переживаю. Я помню еще лет десять назад, когда я об Иисусе проповедовал, то видел, как слезы наворачиваются на глаза у многих людей. А если евангельские встречи проходили и песня звучала о Голгофе, то ни одно сердце не было холодным. Я был уверен, что Дух Святой этих людей касается и ведет их к покаянию, к переменам.

– Да, такие люди ничего не боялись – ни мнения окружающих, ни трудностей на работе, в семьях – они шли к Богу.

– А сегодня – по-другому. Возьмем, к примеру, пасторский класс. Говорим мы о том, что важ-

но Библию читать, молиться, в церковь ходить каждую неделю. Смотрю я на людей – они все это прекрасно понимают. Кивают головами, соглашаются. Но слушают эти истины, как семинар на тему: «Как иметь хорошую духовную жизнь и твердую уверенность в будущем». Мне кажется, что вопрос спасения вообще не стоит.

– Как это не стоит? А о чем мы тогда говорим?

– Вот именно! Этой нужды в спасении и нет сегодня.

– Да, именно об этом я и переживаю. Я не стремлюсь к тому, чтобы все плакали во время проповедей, но люди, которым рассказывают о спасении с тонущего корабля, ведут себя совершенно по-другому, чем многие посетители церкви сегодня.

– Да, есть люди, которые словно говорят: «Посмотрим, что есть в вашей церкви. Что вы мне можете предложить?». Они посидят, послушают, а потом решают, стоит тратить на это время или нет. Когда им что-то надоедает или они чувствуют себя некомфортно – просто уходят, и все.

– А больше всего меня беспокоит, что среди членов Церкви есть множество людей, которые еще ни разу по-настоящему не встретились с Богом, не просили стать Его их личным Спасителем. Они пришли в церковь, потому что это правильно, кто-то – из-за верующих родителей. И если не случится никакое ЧП, если никакой конфликт или явный грех не заставит их бросить церковь, эти люди будут ходить в нее десятки лет, постоянно

жалуясь, что здесь бывает скучновато, что кто-то не так к ним относится. Они никогда не проявят инициативу поучаствовать в служении. Их всегда нужно просить. И, конечно, эти люди почти никогда не участвуют в миссионерском служении, потому что не верят, что Господь может тронуть сердце хоть кого-то в этом мире, что, кроме этого мира и спокойного времени, проведенного в церкви, есть еще близкие отношения с Богом, спасение и вечная жизнь, без которых теряется смысл быть верующим вообще. Понимаешь?

– Апостол Павел писал, что если мы только в этой жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.

– Точно! И я это вижу. Только человек, который ощутил, что значит быть прощенным и спасенным, может осознать эту радость. Он живет, словно ему дали еще один шанс, словно он излечился от ужасной болезни. У него глаза светятся, и, когда говорится об Иисусе Христе, его сердце никогда не остается спокойным.

Елена взяла руку мужа в свою:

– Так, я вижу, что если тебя еще ненадолго одного оставить, то ты захочешь весь мир перевернуть.

– Иисус уже это сделал – мне не о чем беспокоиться.

– Вот и не беспокойся. Кстати, мне твои боли в сердце совсем не нравятся. Нужно, чтобы ты кардиограмму сделал.

– Ты же знаешь, как я люблю нашу районную больницу. У меня сердце начинает болеть, когда я ее вижу.

– Все равно. Пообещай мне, что ты поедешь туда в среду.

– Ладно, поеду.

– Вот и договорились. А какую ты тему выбрал на жатвенное служение?

– Я хочу говорить о верности Божьей, по Евангелию от Марка 10:30.

– И, конечно, коснешься своей любимой темы – о Царствии Божьем.

Павел Владимирович крепко обнял свою жену.

– Без этого не обойдется!

– Ладно. Я пошла готовить обед, а ты занимайся.

– Я после обеда собираюсь провести одну семью.

– Где?

– В Майском.

– Владика возьмешь с собой?

– Конечно. Только он в клуб следопытов может не успеть, если со мной поедет.

– Ничего страшного. Они только недавно из похода вернулись, пусть отдохнет немного.

Елена пошла на кухню, а Павел Владимирович достал с полки свою записную книжку, в которую записывал мысли для будущих проповедей. Сделав заметки на чистом листе, он открыл Библию и в тишине внимательно стал перечитывать выбранный отрывок.

Вечером Павел Владимирович, осматривая красиво оформленный к празднику Молитвенный дом, подумал о том, что было бы неплохо в эту субботу привезти всех тех, кто по состоянию здоровья не сможет прийти самостоятельно: «И мы все порадуетмся, и им приятно будет. Сестры и братья из сел приедут, Леонида Степановича, Марию Васильевну привезем. Будет настоящий праздник». После богослужения, как всегда на праздник урожая, они смогут вместе пообедать, но какое-то предчувствие подсказывало ему, что эта суббота надолго запомнится их общине.

Молодежь окружила фортепиано, готовя еще одно музыкальное пение. Хор завтра соберется на репетицию. Несмотря на жизненные обстоятельства, трудности во многих семьях, благодарить Господа всегда было за что, поэтому каждый пытался внести свою лепту в этот праздник.

Павел Владимирович вышел из пасторской комнаты через запасной выход на небольшое крыльцо. Это было его любимое место, где всегда можно постоять в тени старой яблони, растущей на соседнем дворике, а также насладиться видом солнца, медленно заползающего за черную ограду соснового леса. Задев дверью ветку яблони, Павел Владимирович замороженно смотрел, как листья кружат в своем последнем «пике». Осень... Еще один год пролетел, как мгновение. И, глядя на ма-

ПРИХОДИТЕ!

ленького муравья, ползущего по перилам, Павел Владимирович почувствовал, как сердце снова наполняют мысли о вечном.

ПРИЗНАНИЕ

Субботнее утро одарило Марию Васильевну приподнятым настроением. Сегодня, после долгого отсутствия, она снова пойдет в церковь. Состояние здоровья, слава Богу, позволяло, да и Павел Владимирович обещал прислать машину. «Праздник урожая, красота, – думала сестра Мария, – зал приготовят, особая витрина с лучшими плодами... Детки и молодежь программу подготовят, песни, стихотворения... Времена меняются, а людям есть все равно хочется и без хлеба ничего милым не будет. Так что за все благодарите. Есть пропитание – и уже хорошо».

Как и в другие дни, первый час служения был посвящен Библии и молитве. Дочитав «Утренний страж», Мария Васильевна глянула на часы и спешно направилась в комнату. Праздничная одежда для богослужения, как у всех адвентистов, была подготовлена еще с пятницы. Завтракать не хотелось,

но Мария Васильевна заставила себя съесть совсем немного. «Лекарство нужно выпить, а без еды – нехорошо». До начала уроков Субботней школы оставалось полтора часа, а она то и дело подходила к кухонному окну и выглядывала – не приехал ли кто. Положив в сумку старенькую Библию и урок Субботней школы в обложке из газеты, Мария Васильевна вышла на улицу и села на лавочке. Время ожидания тянулось невыносимо долго. «Вот бы как раньше, – думалось ей, – встать в шесть утра – и пешком 14 километров до собрания. Никого не ждешь, силы были и здоровье... А теперь – сиди и жди. Привезут, отвезут, а своих сил уже немного осталось. Вот если бы Андрюша был рядом, он бы позаботился...» Чувствуя, как горечь опять разлилась в ее сердце, Мария Васильевна посмотрела в небо. «Прости меня, Боже. Я за все благодарю. И за этот день благодарю. Убери все тревожные мысли и печаль мою утоли».

В половине девятого кто-то посигналил, а потом в калитке показался Саша, руководитель молодежи.

– Сашенька, ты?

– Я, я, тетя Маша. С субботой вас!

– И тебя с праздничком!

– А я за вами.

– Спасибо тебе, родной. Поехали, так давно в церкви не была, заждалась.

Через минуту машина понеслась в сторону церкви.

Когда Мария Васильевна зашла в Молитвенный дом, многие сестры, горячо обнимая и приветствуя, окружили ее.

– Мария, как давно тебя не было. Приветствуем!

– С субботой всех вас! Приветствую, милые сестры.

– Сколько ж можно болеть? У нас вон какой праздник! – одна из сестер махнула рукой в сторону витрины.

И действительно: на сцене, рядом с кафедрой, был подготовлен великолепный стенд, в центре которого виднелась огромная Библия. Рядом лежал хлеб, а с другой стороны стояли три свечи в подсвечнике. Под Библией и хлебом была красивая скатерть, вышитая черными и красными нитками. Со всех сторон на этом стенде лежали овощи и фрукты. Цветов и оттенков было настолько много, что глазу нужно было привыкнуть к этой красоте. Над Библией высился сноп пшеницы, перевязанный «косичкой» из колосьев. К празднику урожая люди принесли самое лучшее, что можно было найти среди даров природы. Двух маленьких мальчиков, не отходивших от витрины ни на шаг, больше всего привлекал арбуз, весивший около пятнадцати килограмм. Рядом в плетеной корзине виднелся виноград. Не обошелся стенд без экзотических фруктов. Кроме уже обыденных бананов и апельсинов, в этом году кто-то принес небольшую корзину, где были аккуратно сложены кокосовые

орехи, манго и ананас. Невозможно было перечислить всего разнообразия урожая на этой сцене. От нее простирались ниточки с нанизанными на них листьями, что превращало церковь в цветущий сад. Нити тянулись мимо стен к балкону, обвивали столбы и дверные проемы. Даже пианино было украшено листьями, аккуратно прикрепленными к декоративным панелям.

Звучали псалмы, у всех было особое приподнятое настроение. Кто-то постоянно входил и выходил из пасторской. Но вскоре прозвенел звонок, и вся церковь затихла – начиналось служение.

Мария Васильевна заняла свое обычное место с левой стороны, по ходу заметив, что новые люди и сегодня посетили служение. Слушая музыкальное вступление, она с радостью листала пожелтевшие страницы «Псалмов Сиона». «Радость и благодаренье да наполнят все сердца...» – воодушевленно и мощно звучали слова псалма. Прошло еще пять минут, и церковный зал наполнился голосами участников Субботней школы. К классу Марии Васильевны подошла Танечка (так ее называли братья и сестры) – супруга пресвитера. Она уже несколько лет методично вела уроки, и следует сказать, что получалось у нее неплохо. Танечка всегда внимательно читала Библию. Частенько можно было заметить, как она делает какие-то заметки на полях рабочей тетради. Поэтому даже Мария Васильевна, многократно перечитавшая Библию, не раз удив-

лялась познаниям этой скромной сестры по вере. Урок, правда, пришлось сократить из-за праздника, но, аккуратно закрывая пособие и пряча его в сумку, сестра Мария отметила, что они неплохо постарались, исследуя предложенную тему. «Молодец, Танечка! – Мария Васильевна про себя похвалила учителя. – Урок выучила назубок. И практические выводы сделала, и о каждом участнике их класса успела спросить. Лиды что-то нет сегодня... Неужели опять давление?».

Наконец-то наступил момент, которого все взрослые так ждали, – выступление детей. Когда они шумною гурьбой высыпали на сцену, чуть не опрокинув стойку от микрофона, казалось, солнце залетело в их уютный зал и наполнило его добрыми улыбками. В маленьких костюмах, в разноцветных платьицах, кто-то с фломастерами, карандашами, листочками в руках, голосистые, непринужденные детки пытались выстроиться в один ряд, готовясь к выступлению. Самый маленький участник программы Вася никак не мог найти свое место. Казалось, прошло несколько минут, прежде чем они обратили внимание на детского учителя Иру, которая села в первом ряду, чтобы подсказывать деткам слова и дирижировать во время пения.

Алеша рассказывал стих об овощах. Сам он от волнения покраснел и был похож на свеклу, но слова

выучил отлично и без запинки прочитал все стихотворение. Анечка колыхала микрофон, от чего ее выступление было похоже на ход маятника.

Зеленеют друг за дружкой
Лук, укроп, салат, петрушка,
И, как будто светофор,
Покраснел наш помидор!

Она быстро избавилась от микрофона, всунув его в руки высокого мальчика, стоящего на второй ступеньке. Его звали Саша, и он всегда терялся на сцене. Вот и подошло время учителя помочь своим воспитанникам.

– Сашенька, давай. И солнышко... И солнышко дает...

– И солнышко дает тепла в достатке,
Сияет ярким светом с высоты...
– Чтоб, чтоб...
– Чтоб были...
– Чтоб были ароматны, вкусны и сладки...
– Чудесные Господние плоды.

Мама Саши, сидевшая во втором ряду, вздохнула с облегчением: «Повторяли-повторяли в перерыве и все равно растерялся, слова забыл...».

Громче всех рассказывал стихи Даник. Его звонкий голос эхом отозвался во всех уголках собрания:

– Мы праздник жатвы отмечаем,
Прославить Бога мы желаем...

Наклонившись вперед, не желая пропустить ни слова, Мария Васильевна и другие сестры с уми-

лением слушали детишек. Вот прозвучала вступительная мелодия, и нестройный детский хор запел такие знакомые слова.

На одно мгновение Мария Васильевна закрыла глаза. В ее ушах по-прежнему звучала мелодия песни, но голоса были другие. И среди этих детских голосочков Мария вдруг услышала знакомый. Ее руки сжались, невидящими глазами она смотрела на сцену, но в своих мыслях она унеслась в прошлое. Тогда не было удобных лавочек, глухо звучало старенькое пианино. Арсений Иванович, сложив руки на груди, поблескивая очками, внимательно слушал выступление детишек, а она, Мария, с улыбкой смотрела на Андрюшу, а тот улыбался в своей белой рубашонке и коричневых коротковатых штанах...

Все они были вместе в той душной комнате, когда-то там, давным-давно... Скрипучие стулья с круглыми вязаными подстилками, шаткие и неудобные, стояли настолько близко, насколько это было возможно. Маленькие окна были плотно закрыты, чтобы никто не мог услышать, что здесь происходит. Сестра Света время от времени тревожно поглядывала в окно. Если бы кто-то увидел, что дети участвуют в служении, им бы всем досталось. А ведь ее сыночек, Женя, тоже пел в детском хоре. На столе лежала Библия, возле пианино сестры подготовили небольшую выставку. Да, там не было ананасов, апельсинов, но, как и во все времена, принесли самое лучшее, что было. Песня закончилась, и ей, Ма-

рии, казалось, что сейчас Андрюша вместе с другими детьми побежит к ней, чтобы усесться на руки, услышит, как мама тихонько скажет на ухо: «Молодец!». Мелодия затихла, зазвучал голос Павла Владимировича, а Мария Васильевна вдруг встрепенулась, чувствуя, как холод плотной пеленой накрыл сердце. Дети занимали места возле родителей, и никто не заметил, как что-то заблестело в ее печальных глазах.

Павел Владимирович благодарил детей, приглашал новых участников торжественной программы на сцену. Все это продолжалось довольно долго, – около получаса. Две пожилые сестры в нарядных белых блузках спели благодарственный псалом. Александр Петрович сыграл авторскую песню на гитаре. Молодежь приготовила пантомиму и песню. Чувство радости и благодаренья наполнило общину до краев.

Ароматные запахи поворачивали носы детишек к выходу – после служения всех ожидало праздничное угощение. Наконец началась проповедь, и собрание понемногу затихло, слушая голос пастора.

– Иногда возникает искушение думать, что мы принимаем решения и можем руководить этой жизнью. В такие моменты мы забываем о благодарности Богу. Подумайте, насколько хрупкой стала человеческая жизнь. Она – маленькая высохшая соломинка, это капля воды, падающая на раскаленный металл. Как можно позволить себе выйти из дому, не обратившись к Богу в искренней молитве о сохранности? Как без молитвы благодарения садиться за

стол? Что о себе думает человек, когда он поступает подобным образом? Сегодня, как никогда раньше, я чувствую, что пришло время полностью довериться любящему и всемогущему Богу. Хотите ли вы того же, мои братья и сестры?

Внимательно осмотрев зал, пастор продолжил:

– Но сегодня я хотел бы обратить ваше внимание на то, за что мы редко благодарим нашего Господа. Давайте вместе прочитаем несколько библейских текстов.

Зашелестели страницы, и вскоре четко и выразительно зазвучали слова.

– «Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10:29). О чем же здесь говорит Иисус? Он предельно честен с нами, говоря о гонениях, и поэтому мы не можем представить себе христианина, с довольным видом просматривающего документы о владении домами, землями и другими материальными благами. Не о таком владении говорит Иисус. Господь оставил нам огромное благословение – Свою Церковь. Духовное единство – это прекрасный дар для каждого верующего в Иисуса. Мы когда-то не знали друг друга, а теперь мы – одна семья. Я спрашиваю вас: оценили

ли вы свои дома и земли, сыновей и дочерей, братьев и сестер? Смогли ли мы осознать это благословение, доступное каждому из нас?

Павел Владимирович сделал паузу, а потом с какой-то грустью продолжил:

– Сегодня множество людей не посещают служения. Они постоянно опаздывают, не боясь пропустить важные минуты общения верующих. Некоторые пытаются поссорить всех, забывая, что посредством разделения невозможно получить это благословение. Все это есть сегодня, но я спрашиваю себя: оценил ли я благословения, которые нам дает Христос? Оценил ли я то, что в этом мире, где столько бессмысленности и одиночества, есть мои братья и сестры, которые хотя бы могут пожать мою руку в субботу утром? Что здесь, в этом мире, я обретаю единомышленников, которые вместе со мной могут подняться над всем земным и видеть приближение главного дара – встречи с Иисусом и жизни вечной. То, что дает Бог, невозможно оценить чересчур высоко, и сегодня мое сердце наполнено благодарностью...

Все это время Мария Васильевна внимательно слушала проповедь. Она действительно принесла облегчение ее сердцу. Женщина задумалась над тем, что, несмотря на разлуку с Андрюшей, Господь вел ее в этой жизни и одарил своими благословениями. И даже если эта жизнь оборвется, всегда будет надежда на встречу там, за горизонтом времени. Когда пастор пригласил всех к молитве, Мария почув-

ствовала, как небесный покой наполняет ее сердце, а в уме рождаются слова благодарности Богу. Может быть, кто-то скажет о ней: «Бедняжка, как тяжело быть одинокой! Как не сложилась ее жизнь!». Может, никто из людей и не вспомнит о ее страданиях и потерях ради Христа, ради истины. Сейчас она знала: Бог помнит и любит ее.

Прозвучал последний псалом. До конца служения оставалось всего несколько минут. Рука пастора поднялась для благословения: «...да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир. Аминь».

– Дорогие братья и сестры, наше торжественное собрание окончено. Всех приглашаем на праздничный обед.

Церковь наполнилась шумом, дети пошли к выходу. Павел Владимирович поприветствовал служащего за кафедрой, как вдруг кто-то громко сказал:

– Извините, можно минуту внимания...

Пастор подумал, что ему показалось. Он в недоумении посмотрел в зал, некоторые члены церкви обернулись. Пожилая женщина, несколько раз до этого приходившая на служения, стояла, крепко держась за спинку сиденья. Она посмотрела на пастора и еще раз произнесла твердым голосом:

– Извините, могу я сказать несколько слов?

Кто-то остановился прямо на выходе из зала, все смотрели то на женщину, то на пастора, почувствовалось какое-то напряжение. Павел Владимирович мягко произнес:

– Возможно, мы могли бы зайти в пасторскую комнату и поговорить...

– Нет, я бы хотела сказать для всех.

Глядя в ее глаза, наполненные невыразимой печалью, чувствуя особую твердость в ее словах, Павел Владимирович вдруг ощутил, что сейчас должно произойти что-то важное, чрезвычайно важное. Хотя он предпочитал сначала выяснить, о чем идет речь, прежде чем позволить незнакомому человеку обращаться ко всей церкви, но произнес:

– Пожалуйста, говорите...

Пастор остался стоять за кафедрой. Некоторые сели на свои места, кто-то продолжал стоять, женщина повернулась к церкви и, тяжело вздохнув, сказала:

– В первую очередь я хотела поблагодарить всех вас за этот праздник. Я всего несколько раз прихожу на служение, но я всегда чувствую вашу теплоту и доброжелательность. Но я должна сказать, что я посещаю богослужение с особой целью...

Тут ее голос задрожал.

– Извините... просто очень волнуюсь. Я пришла сюда, чтобы попытаться исправить то, что я сделала много лет назад. Еще в прошлую субботу я хотела рассказать об этом, но не было человека, для которого это действительно имеет значение. Я говорю о Марии Васильевне Иванченко...

По церкви пронесся возглас удивления. Все обратили внимание на сестру Марию, которая вздрогнула от неожиданности и поднялась, услышав свое

имя. Внимательно смотря на эту высокую, когда-то красивую женщину, она поняла, что ее лицо кажется знакомым, особенно глаза. Когда эта женщина встретилась взглядом с Марией Васильевной, она продолжила свой рассказ:

– Наверное, вы не помните меня, Мария Васильевна, но в жизни мы встречались, и не один раз. Все это связано с событиями, произошедшими больше тридцати лет назад. Я директор интерната, куда привезли вашего сына Андрея. А вы несколько раз приезжали ко мне, пытаясь увидеться с ним. Вспомнили?

От этих слов в висках Марии Васильевны застучало так сильно, что ей показалось, что она больше ничего не слышит. Сердце сжалось, и Мария поняла, что не сможет больше стоять. Конечно, сейчас она вспомнила ту миловидную женщину, которая вежливо, но твердо убеждала ее в том, что ей больше не следует приезжать в тот интернат, ее сына там нет. Сестра Мария только и смогла прошептать:

– Я помню!

– Сегодня я должна признаться вам, Мария Васильевна, и этим добрым людям в том страшном поступке, когда мы у верующей матери отобрали сына и прятали от нее, не давая им возможности повидаться. Я должна попросить прощения, потому что я не могу больше с этим жить...

Из глаз женщины покатались слезы. Многие в церкви тоже прослезились. Воцарилась полная тишина.

– Когда Андрея привезли, нам дали указания, чтобы мы ни в коем случае не позволяли матери видаться с ним. Его действительно увезли из моего интерната через несколько дней, но я признаюсь сегодня, что я знала, куда его увезли, но не сказала вам об этом. К тому же я сделала еще один ужасный поступок. Мне так велели сделать, и я сделала. Я сказала этому мальчику, что его мама умерла, чтобы он никогда не пытался ее найти. Вот что я сделала...

Она снова замолчала. Ее руки побелели от напряжения.

– Я жила с этим все эти годы, и совесть всегда мучила меня. Я пыталась забыть все это, сотни детей прошли через наш интернат, десятки разнообразных историй, но я навсегда запомнила эту скромную женщину, от которой я не услышала ни угроз, ни криков, ни упреков. Со слезами на глазах она уходила из моего кабинета со своей сумкой, наполненной продуктами и вещами для ее маленького Андрюши. А я, зная, что он недалеко, вежливо отказывала матери в свидании с сыном. И теперь...

Она сделала паузу и посмотрела на Марию Васильевну.

– Я пришла просить прощения, хотя не знаю, возможно ли это.

Вся церковь молчала, многие плакали. Павел Владимирович, достав из кармана пиджака носовой платок, пытался скрыть свои слезы. Мария Васильевна, поднявшись, подошла к этой женщи-

не и обняла ее. Та не смогла сдержать своих рыданий. В объятиях этого «врага народа» она обрела прощение. В этот момент в церкви не осталось человека, которого бы глубоко не коснулось все происходящее.

Когда Светлана Владимировна (а именно так звали директора интерната) успокоилась, она дала знак, что желает сказать еще несколько слов.

– Я знаю, что эта встреча в церкви принесла мне огромное душевное облегчение, но оно не было бы полным, если бы я не попыталась сделать еще кое-что. Ваш пастор говорил сегодня, что Бог дает во сто крат сыновьям и дочерям. Но я верю, что Бог еще больше благословит Марию и вернет ей Андрюшу.

Она обратилась к Марии Васильевне, которая стояла рядом с ней:

– Дорогая Мария Васильевна, я делала все возможное, чтобы найти вашего сына. Я знаю, что он не ищет вас, потому что уверен, что вас нет в живых. Но я смогла узнать, в каком городе он жил после интерната и что он нашел вашу церковь и ходил в нее в том городе. Я надеюсь, что вы сможете отыскать его как можно быстрее. Это все, что я хотела сказать.

После этого все забыли об угощении, никто не хотел идти домой. Кто-то предложил спеть еще раз «Радость и благодаренье». Когда слова гимна стихли, Павел Владимирович подошел к директору интерната и сестре Марии, чтобы узнать, каким образом они смогут найти Андрея. Сестру Марию и Светлану

Владимировну окружили люди. Хотелось узнать еще больше о том случае, хотя они не раз слышали эту историю от Марии Васильевны. Павел Владимирович, качая головой, шел в пасторскую комнату. Эту субботу он запомнит на всю оставшуюся жизнь.

Желая как можно быстрее узнать хоть какую-то информацию об Андрее, Павел Владимирович достал свой еженедельник, где были номера телефонов пасторов, его сотрудников, многие из которых были его близкими друзьями. В городе, названном Светланой Владимировной, совершал служение молодой пастор, которого звали Сергей. «Вряд ли он сможет помочь», – думал Павел Владимирович, набирая его номер. Но у него созрел определенный план.

Связавшись с Сергеем, он попросил подсказать номера телефонов некоторых пожилых членов церкви.

– Бог поможет нам найти Андрея, – сказал себе пастор, набирая очередной номер.

– Алло.

– Приветствую вас.

Назвав свое имя и город, Павел Владимирович еще раз коротко обрисовал ситуацию. Как он обрадовался, когда дребезжащий голос пожилого пресвитера произнес:

– А чего ж не помнить? Помню, конечно. Фамилия, правда, у него другая вроде бы. Пришел этот паренек к нам, сирота. В 83 или 84 году это было. Так и остался в нашей общине, покладистый такой был,

хороший парень. Мы заботились о нем как могли. Он работал у нас на предприятии. А потом женился и переехал в другой город. Кстати, я спрашивал о нем в прошлом году. Двое деток у него, пресвитером он в той общине служит.

Павел Владимирович от всей души поблагодарил за эти радостные вести. В пасторскую комнату зашли несколько членов церкви, а также его супруга Лена. Они с нетерпением ожидали, удались ли попытки найти сына сестры Марии. А в церкви Мария Васильевна и Светлана Владимировна по-прежнему сидели вместе – им было о чем поговорить.

Павел Владимирович быстро отыскал телефон пастора в том городе, где мог жить Андрей. Набрал номер, он считал гудки. К сожалению, никто не отвечал.

– Придется подождать.

– Павел Владимирович, давайте еще попробуем.

– Давайте, но мы можем и не дозвониться. Тогда попробуем вечером.

Но со второй попытки взяла трубку жена пастора.

– Сейчас я передам трубку Алексею. Одну минуточку...

Павел Владимирович приготовился еще раз рассказать удивительную историю, произошедшую сегодня на служении.

– Дорогой Алексей Алексеевич, приветствую. Извините за беспокойство в субботний день, но тут такое дело...

Спустя минуту Алексей Алексеевич сказал:

– Паша, Андрей у нас действительно служит пресвитером, а родителей у него нет. Я очень надеюсь, что это именно он. Вот радости будет! Кстати, он еще может быть в церкви – на репетицию хора остался. Сейчас я посмотрю...

Благо, Алексей Алексеевич жил при Молитвенном доме. Павел Владимирович слышал звуки шагов по дорожке, потом открылись и закрылись двери. Далее прозвучало:

– Андрюша, можно тебя на минутку? С тобой поговорить хотят.

Наконец в трубке раздался незнакомый голос.

– Алло.

– Андрей?

– Да.

– Приветствую.

Павел Владимирович представился и назвал свой город.

– Извините, что отрываю вас от репетиции, но уверен, что вопрос того стоит.

– Слушаю вас внимательно.

– Андрей, вам о чем-то говорит имя Иванченко Мария Васильевна?

Ответом было молчание, потом Андрей медленно произнес:

– Да, так звали мою маму, которая умерла после того, как меня забрали в интернат. А почему вы спрашиваете?

– Это случилось в 1975 году?

– Да.

– А вы помните, что сказала мама вам на прощание?

– Конечно, помню. Мама сказала: «Андрюша, до встречи, сынок».

– Я хорошо знаю вашу историю, и вы позже поймете откуда. Сегодня у нас на служении была директор того интерната, в котором вы очутились. Я понимаю, что вам не очень приятно вспоминать то время, но у меня есть для вас особая новость. Андрей, я хочу вам сказать, что ваша мама жива.

– Как? Что вы имеете в виду?

Андрей сначала не понял, о чем вообще говорит этот незнакомый человек. Он просто растерялся.

– Брат Андрей, ваша мама Иванченко Мария Васильевна жива и здорова. Вам тяжело в это поверить, но сейчас она находится в нашем церковном зале, недалеко от меня. Вас обманули для того, чтобы вы никогда не искали ее. Об этом нам сегодня рассказала Светлана Владимировна.

– Как так? Может, вы перепутали? Может, это не моя мама? Как такое может быть? Мне ведь сказали, что ее нет!

Павел Владимирович услышал, как голос Андрея задрожал.

– Андрей, не волнуйтесь, но это действительно так. Мы много лет знали о вашей истории, но не представляли, как отыскать вас. И вот теперь это произошло.

– А я могу поговорить с... мамой? Вы можете дать ей трубку?

– Андрей, я думаю ее нужно подготовить к этому. Дайте мне несколько минут. Я перезвоню вам.

– Хорошо.

Павел Владимирович со всеми остальными вышел из пасторской комнаты. Он подошел к Марии Васильевне, которую по-прежнему окружало много людей.

– Сестра Мария, радостные вести!

На Павла Владимировича отовсюду посыпались вопросы:

– Нашли Андрея?

– Вы говорили с Андреем?

– В какой он общине? В каком городе?

Мария Васильевна поднялась от волнения и взяла пастора за руку.

– Пашенька, ты нашел его? Ты нашел Андрея?

– Я думаю, что да. Я могу связаться с ним, но хотел бы убедиться в том, что ваше сердце выдержит этот разговор.

– Звони, Пашенька, звони! Звони немедленно! Все выдержи! Мне бы только его голос услышать.

Павел Владимирович набрал номер и, когда услышал, что ему ответили, сказал:

– Андрей, я передаю трубку Марии Васильевне.

Трепетно взяв в руку мобильный телефон, Мария Васильевна приложила его к уху. Все замерли вокруг.

– Алло, Андрюша, это ты?

Там, далеко, Андрей, выйдя во двор перед молитвенным двором, спрашивал себя, сможет ли он узнать мамин голос. «А вдруг кто-то действительно перепутал и его мамы давно уже нет? Но откуда пастор знает то, что случилось в тот страшный день?»

Но когда он услышал, как далекий голос спросил: «Андрюша, это ты?», что-то подсказало его сердцу, что это она – его дорогая мама.

– Мамочка, это я. Это точно я.

– Наконец-то. Слава Богу! Слава Богу!

Ни мама, ни сын не могли больше сдерживать рыданий. Казалось, прошла вечность, прежде чем они смогли продолжить разговор. Тут же начали вспоминать все то, что было близко им обоим:

– А ты помнишь Арсения Ивановича?

– А собрание у Левченко?

– А друга своего Саньку, который тебе «препятствовал»?

– А тетю Свету и тетю Варю?

Это могло продолжаться бесконечно.

– Сыночек, все помню, мой дорогой. Ты хоть немного о себе расскажи, что с тобой потом случилось...

Разговор длился очень долго. Наконец сестра Мария произнесла:

– Андрюша, до встречи. До встречи, дорогой сыночек!

– До встречи, мамочка.

Лицо Марии Васильевны сияло. Повернувшись ко всем, она сказала:

– Сегодня выезжает! Завтра должен быть!

– Слава Богу! Слава Богу!

Все на радостях начали обнимать Марию Васильевну. Многие выходили из церкви, вытирая слезы радости.

Павел Владимирович со своей супругой выходили из церкви одними из последних. Он с улыбкой посмотрел куда-то в небо. Впервые в жизни он так хорошо понял то, о чем проповедовал: благословения Бога превосходят все человеческое разумение, Его любовь – самый лучший дар.

«Да! так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими и сыновей твоих Я спасу» (Ис. 49:25).

Р. S. Все совпадения имен случайны. Реальная история, лежащая в основе этой повести, произошла в одном из селений Западной Украины. Соседям во время приезда милиционеров удалось отстоять права матери-христианки, подвергая опасности собственную жизнь. Они не позволили отнять 10-летнюю девочку и письменно подтвердили показания о произволе правоохранительных органов. В то время многие родители из-за своих религиозных убеждений были разлучены с детьми. Ко многим были применены административные и криминальные санкции. К сожалению, некоторые семьи все еще не воссоединились...

Илья Добренко

Їндрюшча, го сустрача!

Директор издательства **Василий Джулай**

Главный редактор **Лариса Качмар**

Редактор **Наталья Сквиря**

Корректоры: **Инна Джердж**, **Людмила Заковоротная**

Компьютерная верстка **Веры Кузьменко**

Дизайнер обложки, иллюстрации **Юлия Смаль**

Ответственная за печать **Тамара Грицюк**

Формат 84x108/32. Бумага газетная. Офсетная печать. Подписано к печати 4.06.2014 г.
Гарнитура Ньютон. Тираж 3000 экземпляров.

Издательство «Джерело життя» 04071, г. Киев, ул. Лукьяновская, 9/10-А,
тел. (044) 425-6906, факс 467-5064, E-mail: dzherelo@ukr.net, www.adventist.org.ua

Для комментариев:
ilyadobrenko@yahoo.com